

Сергей Анисимов

КОМА

• ПРОСПЕКТ •

ebooks@prospekt.org

Blut ist ein ganz besonderer Saft
(Wolfgang von Goethe, 1805)

– Я в жизни такого огня не видел...

Голос говорившего был молодым, лет двадцать с небольшим.

– Причём почему, непонятно. Ну, Феодосия, ну, порт. Так ведь кораблей в гавани не было, я смотрел... А в небе – жуть, всё чёрное от разрывов. Я и Львов видал, и над Москвой полный месяц без единой царапины, а тут...

Николай, наконец, открыл глаза, чтобы рассмотреть говорившего. Тот сидел спиной, рядом с кем-то ещё, и лица видно не было, только мелькнули в воздухе поднятые ладони, упирающиеся друг в друга.

– Я-то и не ожидал ничего особенного, шли шестёркой, плюс пара «Лавочкиных» в прикрытии, они сразу наверх ушли. И только мы с холмов к городу стекаем, как такое начинается... У них там минимум по две батареи на километр, а в небе ни облачка. Маневрируй, не маневрируй, всё одно...

Трамвай тряхнуло на стрелке, и скрежещущий визг известил о том, что они сворачивают на Льва Толстого. Отвлёкшись от разговора, любители компьютера и явные поклонники отечественных воздушных симуляторов начали оглядываться, и Николай снова прикрыл глаза,

чтобы не встречаться с ними взглядом. Совсем молодые ребята оба, ворота курток распахнуты, не холодно им. Сам он запахнулся поплотнее, постаравшись засунуть подбородок в собственную шею, под свитер. Перегон между двумя остановками был длинным, и времени ещё хватило, чтобы стряхнув дорожное расслабление привести мысли в относительный порядок. Спрыгнув с подножки трамвайного вагона, Николай потоптался на асфальте, дожидаясь, пока проедет чья-то дорогая машина, нетерпеливо посигналившая спешащим к безопасности тротуара студентам. На душе было погано. Первой настоящей, оформленной и чёткой мыслью дня, для него стало «Сколько человек отделение потеряло сегодня?».

ОДИН

Нельзя сказать, что всё это началось с одного конкретного дня. Всё же, эта история развивалась достаточно постепенно, но на каждом своём витке она оставляла за собой черноту, одну за другой выжигая затронутые ей человеческие жизни. Или, в обмен на жизнь, то, чем сам ничего ещё не стоящий начинающий врач мог заплатить ей, чтобы прожить ещё один день этой гонки: кусок своей души, кусок своей совести, кусок себя. Но даже не дожив ещё до её конца, он вспоминал эту неделю как точку отсчёта времени

и вперёд, и назад. Почему-то так казалось логичнее, хотя искать логику в реальности – занятие не слишком благодарное.

Этот конкретный рабочий день начался со скандала. В последнее время такое случалось часто. Как говорится, «у всех нервы». Ещё до утренней конференции в ординаторской начали орать: громко, со вкусом, не стесняясь. Каждый из входящих, переодеваясь, получал одну и ту же порцию новостей, и успевший засунуть бутерброды во врачебный холодильник Николай, проглядывая обложки «историй болезни» поступивших за ночь больных, наблюдал различия в реакции врачей на произошедшее. Сам он, переодевшись десять минут назад в коридоре и спрятав куртку и уличную обувь в запирающийся на всякий замочек шкаф, испытал чуть ли не облегчение, – и теперь почти с удовольствием отмечал, что в этом он был не одинок.

Скандал был нормальный и понятный: с утра выяснилось, что один из поступивших вчера «по скорой» больных желтоват. В клинику его привезли уже под вечер, и разглядеть оттенки кожи и белков глаз дежурному ординатору не удалось по понятной и простой причине – на отделении не горело либо просто отсутствовало две трети электрических лампочек. Годы на дворе были непростые. Орали на ординатора,

орала сама ординатор, заочно орали на завхоза, который спрятался от греха подальше. Произошедшее грозило отделению большими неприятностями: желтый цвет кожи больного, явно видимый в свете поднявшегося над крышами раннего весеннего солнца почти наверняка означал гепатит. А вдруг вирусный? Пропущенный, он мог привести к отмене «скорых дней» по крайней мере на ближайшую неделю, установлению карантина, – и как угроза почти апокалиптического уровня – к распространению гепатита по отделению и даже на другие этажи. Последствий из этого вытекало настолько много, что постепенно событие начало давить на нервы даже воспринявших его сначала легкомысленно.

На утреннюю конференцию врачи шли по коридору гордо подняв головы, как и положено. Отголоски скандала плавали в воздухе, но ругаться за закрытой дверью почему-то считалось приемлемым даже в полный голос, а до конференц-зала можно было и потерпеть.

Итак, коллеги. На отделении желтуха. Но зато сегодня, слава Богу, никто не умер. Именно в такой последовательности были озвучены новости на наконец-то начавшейся, с пятиминутным почти опозданием, врачебной конференции. По залу пронёсся общий бесшумный вздох, после которого так и не появившегося, за обилием дел, завхоза продрали

интенсивно, разнообразно, и без соблюдения техники безопасности. Дежуривший больничным ординатор, – деваха с широкими плечами и голосом бригадира штукатуриц, привела несколько новых форм, в которых может быть утилизирован способный угробить отделение старый идиот, но толку было мало. Несмотря на все громкие слова, завхоз чувствовал себя в клинике уверенно. Хотя... За последние годы по крайней мере в самом Петербурге врачи перестали испытывать робкий пиетет перед санитарками, уборщицами и буфетчицами, которые со свистом могли теперь вылететь с работы за любую мало-мальски значимую провинность. То ли из-за притока беженцев из бывших республик Союза, то ли из-за чего-то другого рынок труда в стране странным образом перекошило, и за рабочее место связанное с неквалифицированным трудом сейчас просто дрались. Хорошо это, или плохо, Николай не знал, но именно в этом году он впервые увидел, как санитарки моют чайные чашки за врачами. «Пропал дом»...

Дежурившая вчера девочка-интерн по имени Ульяна отсиделась без выхода к кафедре, потому что из-за скандала ординатор взяла доклад о произошедшем на себя. Опять же, за сутки ни на самом отделении, ни у реаниматологов не умер ни один человек, что позволило обеим избежать невидимой глазу галочки в памяти начальства.

Повезло.

– Повезло.

Именно это слово и произнёс одетый в зелёное, странное среди белых врачебных халатов терапии дежуривший ночью реаниматолог в ходе собственного доклада.

– Вытащили. Когтями.

Реаниматологу с пониманием покивали – кто начальственно-благосклонно, кто с удивлённым восхищением. Одну из едва не погибших два дня назад больных – в возрасте аж 76 лет и с целым букетом сопутствующих диабету заболеваний дежурившая той ночью пара ординатор-интерн вместе с реаниматологами буквально выцарапала у гуляющей по отделению невидимой смерти. И хотя следующий день женщина провела на грани, за ночь её состояние несомненно стабилизировалось. Она не была первой на отделении, кого реаниматологи за последнее время сумели вытащить с того света, и удача улучшила настроение у многих.

Больные на отделении умирали не первую неделю. Ничего особенного в этом теоретически не было – терапия вообще специальность неблагодарная. В каждом из специализированных или «общих» кластеров терапевтических палат за десятки лет умерли десятки больных, но это было понятным, – и хотя и печальным, но естественным ходом жизни. Извините, здоровые люди в большинстве случаев

в больницу не ложатся. Весной сердечникам особенно тяжело, – меняется погода, а в Петербурге она иногда меняется так, что с трудом ходят даже практически здоровые. Ближе к маю начинается цветение, и в гости к людям приходят аллергии. Пока до мая пока было ещё далеко: как указывал календарь с изображением размахивающей мечом загорелой культуристки в окружении зубастых чудищ над рабочим столом у Николая дома, и как подтверждали все остальные календари, сейчас было самое начало апреля. Если считать начиная с конца февраля, то число умерших за это время на отделении больных перевалило за тридцать. Фактически, кто-то умирал почти через день.

– С точки зрения страховой медицины, больные должны умирать именно от того, от чего их лечат.

Доцент Свердлова изрекла эту фразу с таким видом, будто все слушающие должны были содрогнуться. Ничего нового в ней не было, но курируемые ей интерны и молодые ординаторы значительно переглянулись – им нетрудно, а человеку будет приятно. Стоя в коридоре, молодежь ожидала распределения поступивших больных и, возможно, некоторых деталей не озвученных на конференции.

– По-вашему это не так?

Доцент разглядывала интерна Ольгу – высокую темноволосую девушку, которую только

несомненно наличествующий ум заставлял изредка снимать с лица при общении с кем-либо выражение презрительной брезгливости. Юного доктора, непоколебимо уверенного в своём превосходстве над окружающими терпели с трудом, но вступать в прямую конфронтацию с взошедшей звездой отечественной терапии имея ранг ниже доцента никто не рисковал. Причины к этому у некоторых уже имелись, а остальным хватало интуиции. Несколькими точно выверенными спокойными словами Ольга могла унижить любого ровесника так, что у человека просто темнело в глазах. Как это бывает, Николай не раз видел, но так и не сумел понять.

– Происходящее зашкалило за все нормы, – помолчав, продолжила доктор. – Эти жуткие, неуправляемые перепады давления, мышечные боли эти странные у каждого пятого. Доктора, у кого-нибудь есть какие-то новые идеи?

Про себя Николай уже почти профессионально отметил, что фраза вообще-то построена неверно, он бы просто закончил её на «зашкалило», но в целом доцент была совершенно права. На отделении происходили странные вещи. Смерти больных не просто не укладывались в нормальную статистику, они были разными. Началось это весьма постепенно, и участвовавшие смертельные исходы обычных, в общем-то, заболеваний – тяжёлых и, в принципе, действительно смертельных, сначала

расценивались достаточно спокойно. Но за почти два месяца вспышка всеобщего внимания к происходящему, к неостановимой цепочке смертей постепенно переродилось во что-то сложное, испускающее волны тихой паники и растерянности. Теперь не хватало только гепатита.

– Теперь не хватало только гепатита, – сказал Игнат, – суровый молодой ординатор, который всегда выделялся на общем фоне не столько нехарактерным для мужчины сияюще-русским цветом волос, сколько постоянным спокойствием, весьма удачно сочетающемся у него с клокочущим где-то внутри юмором. Способностям Игната ставить практически безошибочные диагнозы на одних мануальных навыках и опросе Николай поражался и в глубине души завидовал. Надежда у него была только на лежащий впереди опыт – если повезёт, то через год он сможет стать настолько же уверен в себе хотя бы внешне. Тому, что Игнат озвучил его собственные мысли слово в слово, Николай не удивился. Мысли витали в воздухе.

– Может, не вирусный? – почти нежно предположила одна из девушек. – Скажем, механическая желтуха?

– Всем сразу станет от этого легче?

– Больному не станет. Если механическая, то лучше уж вирусный...

– Доктора, мне нравится ход ваших мыслей,

но я спрашивала не об этом.

Свердлову никогда не сочли бы упёртой, врачом она была выдающимся, но некоторая вязкость ей была присуща, и уходить с однажды заданной темы она не позволяла ни студентам, ни уже выпустившимся. С точки зрения педагогики – черта замечательная, но нередко раздражающая.

– А что мы?.. Сколько профессоров сегодня на кафедре?

– Сколько профессоров – это не интересно. Интересно – это что вы об этом думаете. Про мышечные боли, и всё остальное.

Николай вздохнул. Предполагать, что поддюжины молодых врачей могут что-то подсказать десятки лет практикующим терапевтам, фильтрующих сквозь себя чужие симптомы с профессиональностью синего кита, заглатывающего планктон, было не очень честно. Всякое, конечно, бывает. На кафедре уже начали слушать любителей лечить пиявками и ставить диагнозы заглядыванием в глаза, так что получившая классическое образование молодёжь всяко не помешает. Но... Больно уж ненормально сложным было всё происходящее. Не их уровень.

– Миозитов, в конце концов, было не так много. У погибших – три или четыре, плюс несколько сами по себе, то в одной палате, то в другой.

– Да, верно.

Доцент кивнула, затем склонила голову набок. Кудрявые белокурые волосы колыхнулись. Такие причёски были модны в семидесятых, но ей шло.

– Понятно, что это тоже много, тем более такие сильные, до крика. Не гриппозный уровень: малыми анальгетиками не снимается, а ведь этого... больного Шварцмана, – его так просто кричать мало что заставило бы, а пришлось до морфина дойти.

Шварцман был одним из умерших около трёх недель назад больных, которого запомнил почти каждый. Он не первый раз лежал на отделении, чередуя госпитализации в их клинику с визитами в городской ревматологический центр. Проведя за последние два года на отделении в общей сложности не меньше трёх месяцев, колоритный больной с фигурой толкателя ядра и мрачным испытующим взглядом таможенника или налогового инспектора неожиданно для всех сгорел за неделю, расцарапывая себе кожу и заливаясь слюной. Что это было, так и осталось непонятным. А высказанное на секции вторым профессором задумчивое замечание о том, что он такое видел в Узбекистане в шестидесятых, когда ему привезли укушенного змеёй солдата, напугало несколько человек до синюшной бледности. Хуже всего была именно иррациональность произошедшего – тяжелые, плохо снимаемые приступы таких болей повторились потом ещё несколько раз, но

остальные симптомы, сопровождавшие последние дни умершего сестрорецкого бизнесмена так и не были отмечены пока ни у кого другого.

– В час дня очередной клинический разбор. Будет главный эндокринолог Петербурга и кто-то ещё. Не знаю, все ли поместятся, но лучше придите, конечно.

Свердлова опять покачала причёской и негромко мыкнула себе под нос, перелистывая тощую «историю» одного из вновь поступивших.

– Так... Ульяна, возьмёшь очередной диабет. И второй тоже. Знаю, что устала с дежурства, но ничего. Игнат – сорокалетний мужчина, диагноз неясен. Ночью поставили обострение хронического панкреатита под вопросом, но анализы ещё не назначили. Делай.

Игнат кивнул, принимая желтоватую бумажную склейку, и Николай мысленно пожелал ему удачи.

– Ольга, щитовидка. Саша, ничего сегодня. Твой Толбухин тяжелеет, посмотрим вместе часов в одиннадцать, – доцент посмотрела на часы, – И не затягивай с рентгеном, тормози их. Коля, – она повернулась к самому Николаю, – Тебе сегодня вообще повезло. Больная по фамилии Январь, 71 года, лихорадка неясной этиологии^[1]. Отягощена и по сердцу, и по неврологии. И ещё одна женщина, 54, диагноз тоже неясен. Работай.

Мысленно вздрогнув, как это всегда случалось с ним в подобный момент, Николай принял обе истории болезни, плоские, но уже слегка растрёпанные, украшенные по верху титульных листов прямоугольными штампами «Педикулёз – ». Ну что ж. На то она и работа.

Казалось, что этот день не несёт в себе ничего необычного. С августа прошлого года, когда началась его учёба и работа в качестве интерна (две трети которой проходили в пределах этого самого отделения) таких дней у дипломированного врача Николая Ляхина было вполне достаточно, чтобы привыкнуть. Двое новых больных – следствие прошедшего «скорого дня», когда отделение заполнили до лимита койко-мест. Несколько «старых», уже хорошо знакомых и понятных. Чуть больше чем нужно, чтобы работать без напряжения, но так и должно быть. На кафедре и на отделении Николая, пожалуй, ценили, – как ценят в терапии почти каждого мужчину. Слишком мало в большинстве случаев получают терапевты, чтобы врач-мужчина мог позволить себе, скажем, завести семью в первые десять лет после выпуска. Но разнообразных халтур, даже не всегда связанных с медициной, у Николая хватало. Только это, в дополнение к статусу одиночки и жизни с родителями, которые всегда накормят, позволяло ему думать о деньгах меньше, чем многим другим. Помимо собственно

вторичных половых признаков в терапии у мужчин ценили цепкость и развитое ассоциативное мышление, которые ему тоже повезло иметь. Проявлять подобные качества Николай по понятным причинам стремился в объёме, слегка превосходящем то, что существовало на самом деле, поэтому в глубине души осознавал, что его переоценивают. Но тут уж ничего не поделаешь – иначе не выжить. В бесплатную интернатуру повезло попасть не каждому, но здесь сыграла роль именно кафедра, на которой врачей-мужчин всегда не хватало, да и просто везение, конечно.

На ходу читая немногочисленные записи в «историях» своих новых больных, Николай прошёл по ломаной цепочке полутёмных коридоров, едва не споткнувшись на кафельной лифтовой площадке об сунувшегося под ноги серого больничного кота. Больная Январь, семидесяти одного года, оказалась в палате номер 6, одной из крайних в коридоре, формирующем длинную палочку сложной, украшенной хвостиками и апострофами буквы «Т» на карте пожарной эвакуации отделения. Задержавшись у окна прямо напротив входа в палату, он внимательно дочитал всё то, что Ульяна написала в выдавшуюся спокойной ночью своего дежурства. Сто девяносто рублей получает за ночное дежурство больничный ординатор, и за расписание среди них всегда идёт невидимая

глазу схватка, – в то время как интерны воспринимают два дежурства в месяц просто как часть учёбы. Ульяне повезло сегодня не только со спокойной, хотя и пришедшейся на «скорый день» ночью, но и с ординатором, которая не дала её в обиду. Если не считать отдельных тараканов, отношения среди молодёжи на отделении были вполне тёплые и научиться здесь можно было такому, о чем не пишут ни в одном учебнике, – а это именно то, что требуется в их возрасте. Самому Николаю следующее дежурство предстояло через день: в ночь с пятницы на субботу, и тоже на приём «скорых» больных, куда всё же старались ставить преимущественно мужчин. Размышляя о том, не отразится ли на расписании дежурств всё обсуждавшееся утром, и в какую сторону это расписание может перекосить, он дочитал последние строчки пунктирного анамнеза, и коротко стукнул в дверь. Это почему-то было общепринятым: постучаться, и войти не дожидаясь, разумеется, разрешения.

– День добрый!

Уверенно пройдя в палату, Николай определил новое лицо из повернувшихся к нему шести пожилых и старых женских лиц. Больная Январь, Екатерина Егоровна. Хорошее имя.

Женщины нестройно поздоровались, более-менее приветливо. В палате ощутимо пахло болезнями, пенициллином и залитой маслом

рисовой кашей. Кроме того, густо пахло хлоркой, запах которой он принёс из коридора – санитарки отчаянно драили расположенный совсем рядом туалет.

– Здравствуйте, Екатерина Егоровна.

Николай присел на вытертую десятками врачебных ягодиц табуретку у постели новой больной и старушка скосила глаза на ламинированную карточку на его груди. «Ляхин Николай Олегович. Врач-Интерн».

– Зовут меня Николай Олегович, я буду Вашим лечащим врачом.

– Очень приятно, – надтреснутым голосом отозвалась женщина, и Николай удивился, что её голос, несмотря на тембр, показался ему молодым. Это не вязалось с высохшей фигурой и заострившимися чертами лица, в морщинах и тёмных крапинках старой кожи. Результат лихорадки?

Рассказывая больной о том, что вместе с ним её будет наблюдать и старший врач – аж сама доцент Алина Аркадьевна Свердловва, он потрогал лоб приподнявшейся на подушке женщины тыльной стороной ладони. Температура, конечно, есть, но не слишком высокая, где-то 37 с половиной. Хотя такое хуже всего переносится, тем более в таком возрасте...

Следуя ставшему за несколько лет привычным списку и кивая, Николай записывал ответы Екатерины Егоровны на те вопросы, которые не

были ей заданы ночью. Местом рождения у больной был записан посёлок Гыда, – как зачем-то сказала сама Екатерина Егоровна, и как послушно записала покладистая Ульяна, – «Коми АССР». Может оттуда такая странная фамилия? Детство, нормальные детские болезни без особых осложнений. Семь классов, ремесленное училище в Салехарде, – «Да, девочек тоже брали, а как же...», работа сварщиком. «Интересно она сказала, – подумал Николай, – Не сварщицей, а сварщиком. Привычка?». Сначала там же, потом переехала в Ленинград, с мужем, работали вместе на заводе №189, это теперь Балтийский. Муж умер уже четыре года назад...

Не позволяя уйти в сторону с рассказом о семье и тяжёлой жизни, как любили делать многие, он вовремя спросил о детях. Детей трое, все, слава Богу, здоровы, навещают. Ишемическая болезнь сердца – где-то с пятидесяти пяти, в последнее время сердце давит всё чаще. «Возраст, Вы же понимаете», – «Да, конечно». Продолжая задавать вопросы, пройдя по всему анамнезу, а затем как следует простучав, послушав и пощупав больную руками, молодой доктор Ляхин не нашёл ничего, что немедленно объяснило бы ему причину дряхлеющей второй месяц, изводящей больную Январь лихорадки, Не достигающей высоких цифр, но медленно и верно сводящей её в гроб. Впрочем, он на такое и не надеялся. Легенды о

знаменитых диагностах с их способностью снимать диагноз с вступительного «Доктор, Вы знаете!..» идущих от двери к столу больных его всегда восхищали, но до них ему было как до Африки на собаках. Десять лет изучения медицины, включая училище и институт, позволили Николаю едва ли ковырнуть чудовищную плиту терапии, не говоря уже о более специализированных дисциплинах. «Да, милочка! Всё знаю!..», – говорит такой доктор, и выписывает рецепт. И ни рентген ему не нужен, ни лаборатория. А некоторые ещё не верят в профессиональное ясновидение!

Выйдя в коридор, Николай примостился у подоконника, который давал достаточно света, и находился уже достаточно далеко от туалета, и начал заполнять все пропущенные места в «истории».

– Коля, как дела? Есть что интересное? – окликнула его проходящая мимо красавица-ординатор Даша, по которой вздыхал каждый нормально ориентированный мужчина на отделении. Останавливаться она всё равно не собиралась, торопясь по своим делам, поэтому Николай только помотал головой. Вряд ли ординатору второго года могут показаться интересными его размышления. Задумчиво проводив взглядом Дашины ноги, он быстро вписал свои назначения в соответствующую графу, немедленно перейдя к стандартной,

подходящей для данного случая схеме лекарственной терапии. В начале года, когда он только-только приобрёл на отделении статус врача, оставаясь тем же робковатым в глубине души студентом, готовую историю пришлось бы сначала нести куратору, а только потом на сестринский пост. Сейчас его уровень самостоятельности позволял хотя бы это.

Была уже половина одиннадцатого, и Николай с недовольством собой подумал, что первичное обследование всего одной больной заняло у него слишком много времени, а есть ещё и вторая. Кроме того, были и остальные больные, которых он сегодня ещё не видел, и один из которых, по его мнению, тоже начал понемногу «тяжелеть». Обжегшись на молоке дуют на воду, но вносить в мрачную статистику последних месяцев своего собственного потерянного больного, даже если он погибнет не от непонятной причины, а «просто» от недосмотра ленивого интерна, он не собирался.

– Коля, помнишь про разбор сегодня? Пойдёшь?

Очередная молодая доктор торопливо прошла мимо него по коридору, не затруднившись остановиться. Нет, хорошо, конечно, что он не обделён женским вниманием, но не до такой же степени... Дописав последние детали осмотра на перевёрнутую страницу и криво расписавшись, Николай встал, потянувшись плечами. Пора к

новой больной, которая помоложе, а он ещё даже имя её не запомнил.

Вынув историю второй больной из-под «Январской», он обнаружил, что фамилия у неё для разнообразия самая простая – Петрова. Спокойно выслушав не слишком, для первого раза, гневное замечание молодящейся дамы с хорошо покрашенными волосами, что она ждёт его с утра, врач-интерн Ляхин с максимально уверенным видом, чётко и членораздельно провёл весь опрос, и подчёркнуто внимательно её осмотрел-прослушал-обтрогал, несколько склонив этим даму к благосклонному тону. К тому моменту, когда Николай закончил и с ней, затем с остальными своими больными, и успел поговорить с пойманной уже им самим в коридоре буквально на минуточку доцентом Свердловой, было уже без двадцати час. Времени оставалось только-только чтобы успеть попить чая из почти непрерывно кипящего в ординаторской чайника, и запихнуть в рот пару приготовленных поутру бутербродов. Мама уходила на работу в свою поликлинику ещё раньше его самого, а готовить бутерброды с вечера у Николая никогда не хватало времени, поэтому они всегда оказывались какими-то помятыми. Впрочем, учитывая то, что они проскальзывали в желудок уже озверевающего от недостатка калорий здорового молодого парня практически не останавливаясь, значения их

вкусовые качества на самом деле не имели.

Он едва успел проскочить по коридору в комнату, где проходили клинические разборы, и занять чуть ли не последнее свободное место. Но сделав это Николай осознал, что установившемуся у него под воздействием проделанной работы хорошему настроению пришел конец. В сравнительно маленькое помещение, которое на отделении и прилегающей к нему кафедре почему-то традиционно использовали для этой цели вместо конференц-зала набилось около 25 докторов разного ранга, до профессорского включительно. Вид у них разнился от напряженного до глубоко задумчивого. Разбор был «расширенный», поскольку разбирали сегодня сразу двоих больных – одного «постсекционно», то есть по результатам последовавшего за его смертью вскрытия, и одного – неуклонно, похоже, к этому состоянию приближающегося.

– Дорогие коллеги...

Действительно, вовремя успел. Если уж интерн захотел прийти на клинический разбор, то опоздание даже на половину вступительной фразы ему бы не простили. Сказали бы что-нибудь гадкое не отходя от кассы, отвели бы душу немножко.

Заведующий отделением очертил ситуацию уверенным, хорошо поставленным голосом. Хорошая причёска, отличный галстук

виднеющийся из-под застёгнутого, сидящего как влитой белого халата. Николай моргнул на свой собственный халат – не взял ли в утренней спешке ещё понедельника мамин, и потом забыл проверить за почти половину недели. Не то, чтобы самого его волновало, на какую сторону застёгнуты пуговицы, но кто-то из больных может обратить внимание...

– Об обстоятельствах развития заболевания и результатах вчерашнего вскрытия большинство собравшихся уже знают, но врач-интерн Анна Владимировна для порядка нам доложит...

С Аней Николай учился в параллельной группе весь последний год института, не раз пересекаясь на циклах, и сейчас искренне ей сочувствовал. Потерять больного по неясным причинам, с так и не установленным диагнозом, – такое интерну-терапевту запомнят на всю жизнь, какие бы настоящие и непреодолимые резоны у этого не были. Результаты вскрытия Николай действительно уже знал, но слушал так же напряженно, как и остальные, стараясь не пропустить комментарии либо то, что, возможно, не было написано в официальном заключении, но могло всплыть сейчас.

Рассказывая, выдавая десятки параметров и деталей, Аня не запинаясь, – разве что морщилась. По всему её рассказу выходило, что больной погиб от развившейся диабетической комы, но сахар крови у него при этом

совершенно нормальный, – значит это был не диабет. Доклад занял достаточно долгое время, и Николай с неудовольствием ощутил, что сердце у него бьётся как сумасшедшее. Всей кожей он ощущал висящую в воздухе опасность, и посреди родного отделения, в середине дня, это было настолько странным, что он начал, не поднимая голову, постепенно осматривать окружающие лица.

– ...В 4.20 произошла остановка сердца. Реанимационные мероприятия проводись дежурной бригадой при участии больничного ординатора Гнездиловой и врача-интерна Бергер в течение 30 минут, и оказались неэффективными. В 4.50 было принято решение о прекращении реанимационных мероприятий и отключении аппарата искусственного дыхания. Смерть констатирована врачом-реаниматологом Агеевой. Всё.

Пауза, потом доклад о результатах вскрытия, сделанный таким же ровным тоном. Затем вопросы. Аня волновалась, но держалась молодцом, как положено отличнице. Ещё вопросы. В обсуждение втягивалось всё больше людей, и постепенно оно начало по интенсивности и отточенности оборотов напоминать что-то похожее на сабельную рубку: с лязгом стали, неслышимым ухом ржанием, воплями раненых, и валяющимися с сёдел под ноги коней телами. Странное сравнение, но

очень уж было похоже...

Напряжение, дошедшее уже почти до не обращенной ни на кого конкретно злобы чуть разрядилось, когда доктор Аня ляпнула в качестве одного из аргументов, что в таком престарелом возрасте, как у больного, резкая потеря веса заставляет в первую очередь делать рентгеновское исследование желудка, и второй профессор захихикал.

– Дочечка, какой Вы сказали у него был возраст? Престарелый? Это сколько?

– Шестьдесят два, – растеряно протянула Аня, вызвав полминуты общего смеха – профессору было значительно больше. Смех был несколько нервный, и оборвался быстро. Слово взяла главный эндокринолог города, которая спокойно и аргументировано рассказала, что то, что молодая интерн пропустила антифосфолипидный синдром, её совершенно не удивляет, но непонятно, почему вообще никто до сих пор даже не предположил его наличие. Дав профессору с фигурой тридцатилетней женщины и оперативной памятью и быстродействием шахматного компьютера закончить, несколько человек наперебой начали выдвигать аргументы против. И через минуту рубка, с мельканием показаний всё-таки сделанного больному за два дня до смертельного исхода целевого анализа, пошла по новой. Вертя головой от одного говорящего к другому, униженный Николай

покаялся себе, что сегодняшний вечер он абсолютно точно проведёт не за редактурой перевода, до сдачи которого оставались уже считанные дни, а в обнимку с каким-нибудь руководством по синдромальной диагностике. Эндокринолога уже практически убедили, когда сидевшая в виде памятника себе самой доктор Ольга, «женщина-врач», спокойно и очень к месту вставила в возникшую паузу фразу о том, что неостановимое носовое кровотечение подобный диагноз почти точно исключает. Это послужило последней каплей. Просто для того, чтобы чем-то закончить, заотделением высказался в том ключе, что антифосфолипидный синдром вполне мог быть вторичным по невыявленной, скрытой инфекции. С клинической картиной, максимально смазанной из-за сахарного диабета и, возможно, чего-то ещё. То, что у мужчин такое встречается редко, и то, что вскрытие дало больше вопросов, чем ответов, уже не имело никакого значения. Обсуждение зашло в тупик, и сделать из него хоть какой-то вывод было полезнее, чем так и оставить большой вопросительный знак напротив причины очередного смертельного исхода.

Дискуссия почти выдохлась, когда полночи готовившийся к разбору своего больного ординатор второго года Володя неожиданно напомнил о втором запланированном на сегодня

разборе.

– Ну, доктора... Ну давайте поднапряжемся! – заведующий оглядел выжатых врачей и сделал находящемуся уже в полуприподнятом над стулом положении ординатору сложный жест ладонью, – одновременно и располагающий, и стимулирующий. Скрежетнул стул, молодой врач начал пробираться через ноги в переднюю часть комнаты. Остальные начали покашливать, и морщиться, стараясь сбросить напряжение. Сам Николай вытянул вперёд обе руки, хрустнув пальцами, и на него с неудовольствием обернулась сидевшая впереди доцент Савельева – пятидесятилетняя мадам, похожая лицом и голосом на постаревшую Милицу Корьюс, а работоспособностью – на гусеничный тягач. Этим сочетанием Николай искренне восхищался ещё будучи студентом, и поэтому вместо того, чтобы сделать «лицо кирпичом», постарался извиняющеся улыбнуться. Мадам спокойно кивнула и снова отвернулась в сторону раскладывающего перед собой на столе какие-то листочки ординатора.

Слово «Ну!?» так и не прозвучало, но выражение на лице заведующим было соответствующим, и доктор доложил о своём больном, который лежал на отделении третью неделю с ничего конкретно не означающим диагнозом «ЛНЭ». То есть той самой лихорадкой неясной этиологии, с которой Николаю теперь

предстояло справляться у его собственной больной. Мужчина был ещё нестарый, тоже с компенсированным хорошей терапией сахарным диабетом, но тон доклада был настолько далёк от оптимистичного, насколько это было можно. Постоянно имея температуру около 38, больной раз в 3–4 дня выдавал температурные «пики» градусов до 40, сбивать которые удавалось всё с большим трудом. После каждого такого дня начинался новый цикл анализов, призванных установить хотя бы одну из длинного и разнообразного списка причин, способных вызвать подобное. Два дня назад, после последнего «пика» у уже всё понимающего больного начали отказывать почки. Следующего подъёма температуры до таких цифр он мог уже не пережить.

– Мы уже поднимали вопрос о том, что у всех столь разных... – когда молодой доктор закончил, второй профессор кафедры нарисовал ладонью в воздухе сложный вензель. – Столь разных больных с непонятными для нас всех комбинациями симптомов может таким образом проявляться некая, м-м-м... внутрибольничная инфекция. Мы уже пытались подойти к этому вопросу с научной, так сказать, точки зрения...

«А толку?» – глухо, в четверть голоса сказали сзади-слева, и Николай только с большим трудом подавил в себе желание обернуться и посмотреть, кто это. Голос он не узнал.

– Но вот посмотрите, коллеги: двери на лестничные площадки у нас хлипкие и непрерывно открытые, потому что больные, если это не свежие инфарктники, на запрет курить просто плюют. Сквозняки туда-сюда, всё время едой воняет, посетители ходят, студенты вот толпами. Но что, у нас одних? На соседней с нами терапии за последний месяц двое больных умерло. Двое! Девяностодвухлетняя бабушка, которую вообще непонятно как госпитализировали, и тридцатилетняя женщина, за которую её доктора, осознавшего диагноз только после вскрытия, так выпороли, что он до сих пор, наверное, согнувшись ходит. Двое! А происходящее у нас похоже на инфекционную вспышку до такой степени, что все не укладывающиеся в эту теорию факты хочется просто игнорировать! Мы до сих пор, до сегодняшнего подозрения на вирусный гепатит у новоприбывшего больного не закрыли отделение только потому, что это явно не инфекция! Ну не могла она не распространиться к соседям!

Половина мрачно и напряженно слушающих профессора врачей синхронно кивнула. Никто отвечать на его риторические вопросы не собирался, и профессор, вяло взмахнув рукой, замолчал и отвернулся к стене. Молчали все достаточно долго, и когда заотделением, наконец, начал говорить, Николаю чуточку полегчало.

– Мы все знаем, что в медицине есть много странного. Но за свою не очень пока, может быть, долгую жизнь я не видал ничего более странного, сведённого в одно и то же место...

Один из доцентов поднял голову, стёкла его очков блеснули отраженным светом, и Николай машинально проследил направление «зайчика».

– Мы с вами можем столкнуться с чем-то просто новым, – печально сказал он. – С чем-то, чему нет описаний ни в учебниках, ни в нашем с вами собственном опыте.

«М-да», – это было слово, которое подумал про себя, наверное, почти каждый. Сидящая справа от Николая Ляхина доктор закатила глаза и шевельнула губами, почти бесшумно произнеся неприличное выражение. При желании можно было даже догадаться какое именно. Сзади утомлённо вздохнули, как вздыхает старая собака под обеденным столом.

Именно после этого главный эндокринолог города, посмотрев на часы, поднялась. Видя, что и остальные начинают перешептываться и двигаться, заотделением, неосознанно сделав серию успокаивающих пассивных движений, заключил, что прошедшие клинические разборы были весьма полезными, и дадут многим повод задуматься над услышанным.

Полностью согласный с его формальной фразой, Николай неожиданно для себя задержался в опустевшей комнате именно чтобы

подумать в одиночестве. Уходящая последней доктор посмотрела удивлённо, и удовлетворенная задумчивым выражением на его лице, показала на вытянутой руке ключ с привязанной марлевым жгутиком деревянной колобашкой, со стуком положив его на стол.

Мысль, пришедшая в голову лопуха-интерна, каким Николай себя со всей ясностью осознавал, не отличалась особой оригинальностью: «А что, если доктор прав?». Сама идея того, что конкретно на их отделении человечество в целом может столкнуться с неким новым заболеванием выглядела, несомненно, полностью идиотской. Отсюда и такая реакция докторов, перед знаниями и опытом которых Николай искренне преклонялся. Но поскольку настоящего ответа на происходящее так и не находилось, то она возникала то у одного доктора, то у другого. В конце концов, если ты параноик, то это вовсе не значит, что тебя на самом деле никто не хочет убить.

На бумаге всё было достаточно логично, – больные умирали от осложнений тяжёлых и преимущественно давно диагностированных у них болезней, либо от вызванной разнообразными причинами недостаточности органов – сердца, почек, лёгких. То, что все собравшиеся внезапно умереть больные устроили заговор с целью напакостить захлёбывающимся в попытках понять

происходящее докторам, действительно могло прийти в только голову только параноику. Но всё же... Да, мысль о новой, неизвестной науке болезни выглядела так, что на высказавшего её смотрели с тихим сочувствием, но ведь всякое случалось даже в последние 50-100 лет. Появись ВИЧ-инфекция на тысячу лет раньше, и переплывшая Атлантику экспедиция ацтеков наткнулась бы на заросшие вековыми лесами развалины городов на месте угасшей Европы...

Встав и покачавшись на сжатых кулаках на подоконнике, Николай побурчал себе сквозь зубы. Просто ничего не значащие слова: «Бу-бу-бу...». Окно выходило во двор, и сквозь ряды облепленных молчаливыми петербургскими воронами растопыривших чёрные ветки деревьев были видны стайки уходящих из корпуса студентов. Асфальтированная дорожка изгибалась сложной петлёй, выпуская из себя протоптанные в бурых проплешинах голой ещё земли тропинки к калиткам и воротам в окружающей больничный сквер ограде. Студенты торопились либо на четвёртую «пару», либо к метро, к маршруткам, к трамваям. Меньшая часть, вероятно, может задержаться в читальном зале: посидеть над книгами и методичками. На виднеющейся сквозь группу ближайших таких деревьев, скользкой от висящей в воздухе мороси скамейке сидела одинокая согнувшая фигура – кто-то кого-то ждёт.

Ещё раз поглядев на часы и поправив сбившийся на бёдрах в складки халат, за секунды переделавший выражение на лице из грустного в уверенно-серьёзное молодой доктор Ляхин, выйдя из кабинета, запер дверь на ключ и остановился. Постояв у двери ещё минуту, он двинулся к своим больным – сначала «свежим», сегодняшним, потом всем остальным. Полностью выжатый, он закончил уже почти к четырём, но старавшаяся обычно уходить не поздно доцент задержалась с Ульяной, и Николаю пришлось ждать в пустом кабинете ещё минут двадцать. Обнаружив на столе сравнительно свежий номер «Российской диабетической газеты», он почти равнодушно его пролистал: худенький четырёхстраничный выпуск был наполовину заполнен рекламами витаминов и производящих инсулины зарубежных фармацевтических фирм. Потом пришла ординатор Саша, с интересом посмотревшая, как он рисует на полях газеты постепенно увеличивающийся в размерах ряд кошачьих морд.

– Жрать-то как я хочу, мамочки! – оторвавшись от разглядывания его рисунков с противоположного конца сдвоенного ученического стола, Саша потянулась вверх и в стороны. Вовремя поднявший глаза Николай улыбнулся.

– И спать.

– А как же!

Саша радостно засмеялась. На неё было приятно смотреть.

– Ну, вот дождёшься куратора, и иди.

– А ты?

Ничего такого Николай в виду не имел, но Саша улыбнулась совсем уж загадочно. Неделю назад она продемонстрировала собравшейся на чай молодёжи окантованный синим картонный квадратик «приглашения», датированный серединой мая, и теперь по три раза в неделю просчитывала оставшиеся до свадьбы дни.

– И я, – согласилась она.

В кабинет с цоканьем каблуков и стуком дверью зашли Свердлова с Ульяной, и сразу же за ними просунулась голова доктора Хасабова с неврологии – явно по его душу. Поздоровавшись в спину доценту, Ринат, бывший однокурсник Николая, поманил его в коридор, и там объяснил, что двое свежих кредитоспособных радикулитников желают его массажа, поскольку относятся к замечательной категории больных, презирующих новомодную иглотерапию. Массаж был одной из разнообразных халтур, которые Николай практиковал, и которой не помешал его свежеполученный докторский диплом. Мнение больных об иголках он вполне разделял, и хотя в них верили многие доктора гораздо умнее и опытнее его, но против консерватизма не попрёшь. Договорившись о времени, Николай вернулся в кабинет, и дождавшись своей очереди

отчитался перед доцентом за проведенный день.

– С бабушки глаз не спускай, чует моё сердце, она нам ещё покажет, – рекомендовала Свердловая, морщась и проглядывая свежесделанные за день кардиограммы. Вообще, как это ни странно, но происходящее на отделении положительно отразилось на его эффективности с точки зрения скорости выполнения назначений. Раньше с функциональной диагностикой, УЗИ или нестандартным рентгеном могли спокойно тянуть и три дня, и четыре. Теперь никто не хотел быть крайним в списке ответственных за очередную непонятную смерть, и это заставляло врачей и техников работать на редкость чётко и быстро.

Закончив, Николай попрощался с копающейся в каком-то ветхом справочнике, отмахнувшейся Ульяной и всеми остальными, включая совсем уж по-кошачьи разлегшуюся на краю стола Сашу. Затем он занёс подписанные Свердловой истории болезни на сестринский пост. Здесь он постоял минуточку за спиной у Лены – красивой башкирки в голубоватом, как сейчас было модно у сестёр, халате. Разминая ладонью затёкшую шею, он проводил глазами крепкого черноволосого парня в хорошем костюме и даже синих бахилах на ногах, несущего по коридору прозрачный пакет с персиками и свёрнутыми в трубочку газетами. Вежливо постучавшись,

парень сунулся в одну из палат, спросил что-то, выдвинулся обратно, и перешёл к соседней двери. Спутал номера «7» и «7А», обычное дело.

Крутанув шеей пару раз, Николай сделал ручкой обернувшейся на него и вежливо помахавшей ресницами Лене, и спустился на два этажа ниже. В уже пустой ординаторской неврологического отделения ему удалось выпить с Ринатом и дежурной ординаторшей среднего возраста здоровенную кружку чая, с полудюжиной остававшихся в принесённой кем-то из больных коробке конфет.

– Ну, пошли? – спросил Ринат, и Николай со вздохом поднялся. Ординаторша хмыкнула, и причина этого стала ясна уже через минуту, когда превратившийся в доктора Хасабова Ринат представил его первому из подлежащих массажу больных – похожему на шифоньер мужику, с шеей толщиной с ленинское брѐвнышко, как его изображали в букварях в соответствующие годы.

Николай ожидал подходящего «шифоньеру» вступительного «Мне тут, – это самое...», но у больного неожиданно оказались спокойный и приятный голос, и к тому же богатая лексика. Мгновенно переключив свой настрой с восприятия стандартного «быка» на, скажем, менеджера среднего звена, Николай с удовлетворением убедился, что деньги, которые полагается платить за врачебный массаж того не разорят. Мужик совершенно спокойно, без

излишней кичливости предложил заплатить вперёд сразу за половину курса, но это не требовалось – не будучи любителям быть обязанным малознакомым людям даже в мелочах, молодой доктор Ляхин, даже имея стандартную зарплату этого самого молодого доктора в виде основы личного бюджета, старался такого избегать.

Договорившись, что зайдёт за ним после того, как закончит со другими больными, чтобы выложиться на его спине уже до упора, Николай познакомился со вторым, – тоже мужчиной, но уже с нормальной, почти аскетической конституцией. Этого он провёл в открытый Ринатом кабинет с вытертым до клеёночной белизны массажным столом. Работали в нём почти полный рабочий день, посменно, но рук на отделении отчаянно не хватало. Поэтому невропатологи совершенно не имели ничего против того, чтобы за небольшие комиссионные дать шанс подработать доктору из братского отделения.

– Слушай, что у вас твориться там такое, на кардиологии? – спросил Николая уже намыливающийся домой Ринат, когда он, вымотанный двумя 45-минутными сеансами классического радикулитного массажа, валялся в кожаном кресле между двумя почти метровыми кактусами, – собираясь с силами, чтобы переодеться. Рубашка под расстёгнутым до

самого низа халатом пропотела насквозь и воняла так, что люди в трамвае будут наверняка морщиться. Но где вы видели в больнице душ для врачей и медсестёр? А лучше и тех и других сразу! Улыбаясь забавной мысли, Николай невежливо прослушал вопрос, просто осознав, что он был, – и Ринату пришлось повторять.

– А никто не понимает, – честно ответил он. – Я, так вообще лопух-лопухом, зелёный такой, хожу, думаю фигню всякую. Но самое изумительное, – это то, что большие доктора тоже ничего не понимают, по-моему.

– Ого!

– А ты думал?.. Сегодня Рэм Владимирович, со всем революционным энтузиазмом молодёжи заявил, что мы столкнулись с новой, невиданной ещё в медицине болезнью, – это когда больной умирает от того, что у него отказывает либо сразу всё, либо что-нибудь одно, но очень важное.

– Знаю я эту болезнь, – засмеялся Ринат. – Цитрат силденафила на ночь, и всё важное будет работать, как положено!

– Да я не про то.

Николай махнул рукой и сам улыбнулся. Не восхищаться бьющим в разные стороны оптимизмом охреневшего после рабочего дня точно так же как и он Рината было невозможно.

– Ты вот сам веришь в новые болезни?

– Ну, – Ринат посерьёзней, – В неврологии такого иногда намотришься... Но в совсем уж

новые...

– Даю пример: СПИД. Что скажешь?

– Хороший пример. Я скажу – атипичная пневмония. Твоя очередь.

Оба помолчали.

– Ещё что-то такое плавает в голове, из курса гигиены, что ли, – не очень уверенно предположил Николай, – С какой-то местностью, куда воду привозят со стороны, поскольку если пить местную, то люди болеют чем-то непонятным, хотя по всем классическим гигиеническим параметрам она совершенно нормальная. Не помнишь такое?

– Нет, что ты. Я гигиену едва с тройки вытянул, – ух, как вспомню!

Это в кайф, налить воды из банки!

Это в кайф, – попробовать на вкус!..

Ринат пропел хорошим голосом, разводя руками как молодой Магомаев, и ни на секунду не застеснявшись просеменившую по коридору больную, при виде которой Николай дёрнулся застегнуть белый халат хотя бы на груди.

Это в кайф, разлить её по склянкам!

Гигиена – наука наук, но её не поднять!

– «Не понять», – поправил Николай. «Не поднять» – это было про терапию. Чистая правда, кстати говоря. Ну, ладно, пойду я помоюсь хоть как-то. Тебе на метро?

– Да. Ждать не буду, извини уж. Пойду домой, – плов кушать, водка пить, диван валяться!

Акцент у неунывающего коллеги-доктора стал демонстративно среднеазиатским, и Николай почувствовал, как усталость потихоньку уходит. Иногда он не на шутку начинал опасаться, что люди могут воспринимать его как «энергетического вампира», настолько хорошо на него действовали чужие эмоции.

– Ну, пока!

Помахав друг другу руками, они разошлись в разные стороны. Снимая свой халат прямо на ходу, Николай зашёл в туалет персонала, с раковиной отделённой от остальных удобств не доходящей до потолка перегородкой. Закрыв дверь, он повесил халат на впаянный в стену крюк, зацепил за него же снятую рубашку, и как мог более тщательно вымылся до пояса, хлестнул водой по шее, по щекам, пофыркал сквозь пузыри. Мыла у раковины не было – в этом отделении уступало его собственному, где в туалете каждодневно меняли полотенце, а дежурной врачебной паре выдавали на ночь чистое постельное бельё. Последние месяцы никто им особо не пользовался, но это уже дело принципа.

Ну, всё? Теперь домой. Пробежавшись напоследок по собственному отделению, чтобы убедиться, что ничего экстраординарного за это время не случилось, и засунув халат отвисеться за ночь в шкафчике, Николай сбежал вниз по лестнице. На улицу он вышел с удовольствием, не торопясь. Напоённый сыростью прохладный весенний воздух пах прелыми, перегнившими под снегом листьями. Вроде бы целенаправленно подбежавшая чёрная лохматая собака из вечно ошивающейся около «буфетного» проезда в просвете между больничными корпусами стаи, обнюхала его и весьма дружелюбно вильнула хвостом.

– Здравствуй, субак, – с удовольствием поздоровался и он сам, и на редкость вежливая дворняга, чуть ли не ухмыльнувшись, отправилась дальше по личным делам.

Отойдя метров на десять от входа в корпус, глубоко дышащий, разглядывающий небо над копнами чёрных веток лысых каштанов и тополей доктор Ляхин надел вынутую из кармана вытертой куртки чёрную шапочку. Та окончательно превратила его в молодого человека без особых примет. Сложно определимый возраст: что угодно в промежутке между 20 и 28 годами, тёмные прямые волосы при полном отсутствии, к концу дня, какой-либо причёски. Карие глаза с отдельными крапинками почти чёрного цвета. Рост – едва выше среднего

для Питера, телосложение – слегка не дотягивающее до определения «спортивное». По крови – универсальный донор, с намешанными только за последние 3-4 поколения осьмушками польской и еврейской крови. Да и основой, судя по фамилии, тоже преимущественно русско-польской. Нормально, в общем, – подумал он, улыбаясь своим мыслям. Жить можно.

Трамвая на горизонте не виднелось, поэтому без спешки, с почти интимным удовольствием, Николай прошёл несколько остановок пешком, – разглядывая окружающее и наслаждаясь отсутствием мыслей в голове. К тому моменту, когда он залез во всё же нагнавший его трамвай, уже начало понемногу темнеть, и вид собственного раскачивающегося в окне лица заставил его негромко хмыкнуть. Грубое, расслабленно спокойное, оно явно напрашивалось на проверку документов ближайшим милиционером, но такового в трамвае не было, поэтому ему удалось с относительным комфортом доехать почти до самого дома. Дома Николая наконец-то накормили, выдали украшенную гербом Берлина пузатую кружку обезжиренного кефира, и позволили улечься на диван с ногами. По телевизору показывали всякую фигню, а на любимом региональном канале зачем-то крутили один негритянский музыкальный клип за другим: мелькали стандартные в связанных с

подобной музыкой сюжетах дорогие машины, личные самолёты и хорошее кружевное бельё на извивающихся полуголых девушках. Выключив дурацкий ящик и выкинув пульт в дальний угол дивана, со вздохом поглядевший на часы Николай заставил себя подняться на счёт «три», не вступая в долгие пререкания с голосом совести. Достаточно свежее переиздание «Справочника терапевта», посвящающего упомянутому эндокринологом синдрому чуть ли не полторы страницы мелким шрифтом нашлось очень кстати, и он запихнул в себя текст почти насильно, мучительно пытаясь не уснуть и перечитывая один и тот же абзац по два или три раза. По времени дети в их часовом поясе как раз садились смотреть «Спокойной ночи, малыши», и только это, в дополнение к тому, что ещё не пришёл с работы отец, заставило Николая дочитать раздел до конца. Зевая со сладостным подвыванием, он отнёс кружку на кухню, кивнул на мамино замечание «Ну что ты шаркаешь, иди ложись!», с тоской посмотрел на блекло-мёртвый компьютер с нетронутым сегодня текстом, и всё же не выдержал, включил, – завершить полировку перевода. Занудная статья по физиологии алкогольных запоев навевала сон, но обещанные за перевод 400 рублей невидимой морковкой висели перед носом, поэтому Николай, зевая, всё же честно выдавил из своих извилин перетасовку нескольких неудачных

фраз. Спать хотелось всё более отчаянно, и только поймав себя над тем, что он стирает и заново ставит в совершенно бессмысленное место одну и ту же запятую, он слегка взбодрился и закончил, наконец, надоевший текст. Теперь его можно будет сдать, и, если повезёт, в конце месяца ему выдадут все честно заработанные деньги сразу. Примерно столько он зарабатывал в неделю одним массажем, но отказываться даже от не очень выгодной халтуры в наши дни по его представлению могла разве что уверенная в своём богатом спонсоре девушка с размером бюста не меньше третьего. Сам он надеялся только на себя.

Сохранив файл в личной папке, Николай, так и не став раздражаться, с третьей или четвёртой попытки пробился в Интернет и скинул некрупный архив на адрес журнала.

– Коля, ты сегодня бегаешь?

Мама просунула в комнату голову, улыбаясь той нежной улыбкой, которую ему хотелось когда-нибудь научиться повторять.

– Да надо бы.

– Возьмёшь мусор в прихожей? Я селёдку чистила.

Сказанное послужило замечательным поводом не устраивать очередной раунд борьбы с совестью, а уверенно одеться в грязноватый уже к середине недели тренировочный комплект и окончательно утвердить в глазах мамы

сегодняшнюю порцию образа «мужчины, о котором мечтала бы любая девушка» (обязательно искренним тоном и с восклицательным знаком). Столкнувшись в прихожей с пришедшим, наконец, отцом, Николай с удовольствием с ним обнялся – с некоторых пор он перестал этого стесняться.

Они обменялись несколькими тёплыми фразами, но отцу хотелось есть, а пакет в руке вонял на полквартиры, поэтому задерживаться оба не захотели – успеется ещё. Бегом вниз по лестнице. Навстречу поднимался знакомый пожилой здоровяк с седой и серьёзной немецкой овчаркой – достаточно известный в 60-х годах лыжник. В своё время, с год назад, эту собаку бывшему тогда ещё студентом Николаю приходилось колоть антибиотиками по два раза в день. К его собственному радостному удивлению и искреннему счастью бывшего олимпийского призёра, она тогда оправилась от смертельной в её возрасте пневмонии и снова встала на все четыре подрагивающие лапы. Людям бы такую живучесть...

Селёдочный пакет полетел в глухо грохнувший мусорный контейнер, и, разбрызгивая лужи, Николай зигзагами помчался по тёмному, без единого фонаря, двору. Из-под ног с мявом шархнул помойный кот, и бегущий Николай, не останавливаясь, засмеялся от пойманной им в воздухе возмущенной

интонации обиженного зверя. Бег – это свобода. В первый раз за долгий день он был абсолютно счастлив.

ДВА

Храбрости на то, чтобы подойти с разговором к доценту Рэму Владимировичу Амаспюру Николай набирался два полных дня. Большую часть жизни руководствуясь полезным правилом «подальше от начальства, поближе к кухне», курсу к 6-му института Николай осознал, что такую тактику лучше заставить себя сменить – иначе сожрут, и не оглянутся через плечо. Одних мозгов и рук становилось постепенно недостаточно для того, чтобы зацепиться за ту работу, которая нравится, и которая способна хоть как-то прокормить свежего выпускника, поэтому с собственными комплексами и желаниями нужно было в меру бороться.

К Амаспюру он подошёл после утренней конференции, когда большинство врачей испытывали короткий эпизод хорошего настроения, – уже убедившись что третий день подряд на отделении не умер ни один человек, но ещё не увидев своих собственных больных, тяжелеющих у многих. Потомок французских коммунистов был настроен достаточно благожелательно, и согласился найти время часа в два, чтобы выслушать волнующегося интерна. Прочитывая к месту что-то заумно-латинское, оставшееся Николаем не понятным до конца, доцент вальяжной походкой ушёл по коридору, оставив доктора Ляхина у кабинета

рентгенологии, куда на минуту раньше него успел сунуться сочувственно подмигнувший Игнат. Потом дверь рентгенкабинета приоткрылась, и ординатор высунулся из неё уже задом, что-то ещё договаривая внутри.

– А, Колька!

Он, наконец, высунулся наружу и упёр в Николая палец.

– Мне два пропуска на автосалон в «Юбилейном» досталось, в субботу, то есть завтра, – а идти никто не хочет. Ты как?

Уже взявшись за дверную ручку, Николай задержался. Предложение его удивило, но просто так отказываться не хотелось.

– А твоя...

Он не смог сразу припомнить имя последней подруги Игната, и тому хватило паузы, чтобы пренебрежительно махнуть рукой.

– Усё. Любовь ушла, помидоры завяли. Да и когда её автосалоны интересовали особенно?

Николай сочувственно и якобы понимающе кивнул, хотя понятия не имел, что могло интересовать очередную девушку не самого близкого знакомого. Самому ему никогда не приходило в голову делиться тонкостями и деталями личной жизни с кем-то, кроме старшей сестры, самого близкого в этом отношении человека на земле, но люди, конечно, бывают разные. Игнат «ничего такого» в этом не видел, значит нормально.

– Я дежурю сегодня ночью. Но потом – запросто. Не очень рано только, идёт?

– Идёт, – кивнул Игнат, мотнув лезущими в глаза волосами. – Тогда часов в одиннадцать у входа в «Юбилейный». У тебя есть мой сотовый?

Николаю хотелось пошутить, что у него и своего-то нет, но сформулировать это вовремя он не успел, и просто записал номер телефона на обложке сложенного вдвое блокнота, мусолящегося в кармане халата. Не забыть бы потом переписать...

Зайдя в кабинет Николай договорился с врачной немолодой докторшей о том, что подойдёт к ней в устраивающее её время посмотреть старые рентгенограммы по язвам, и ушёл чуть ли не кланяясь. Наверняка рентгенолог могла только одобрять подобный подход у молодого доктора, но она не проявила это ни одним словом, оставаясь немногословной и хмурой, как вроде бы и положено человеку, проводящему значительную часть рабочего времени в темноте. Вторым врачом в кабинете была высокая тёмноволосая девушка с вечно опущенными глазами, которая вообще не сказала ни слова, а поймать её взгляд Николай так и не сумел, хотя пытался.

Новых больных у него сегодня не было, а у старых всё оказалось почти нормально, если не считать того, что у них были всё те же никуда не исчезнувшие болезни, с которыми они и

поступили на отделение. Причина лихорадки больной Январь так и оставалась неясной, но выданный ей Николаем по поводу артрита пробник нового препарата оказался точным попаданием, и рассматривающая собственные изуродованные пальцы женщина была довольна. В таком возрасте для однодневного счастья хватало и мелочи, и исчезновение привычной за два десятка лет боли вполне могло оправдать в её глазах не слишком большой прогресс с подходом к основной причине её появления в больнице. Даже это неплохо, когда ты такой молодой лопух...

В два часа дня Николай постучался в кабинет Рэма Владимировича. Тот оказался внутри, и судя по всему даже не забыл о своём обещании встретиться с Николаем. Доцентский кабинет Амаспюра Николай видел впервые, как-то пройдя мимо него при сдаче всех зачётов и экзаменов за последние годы, и теперь с интересом скосил глаза на обстановку. Стандартная у кафедрального начальства тяжёлая кожано-деревянная мебель сталинских времён удачно сочеталась здесь с висевшими по всем стенам фотографиями и изображениями собак разных пород, вперемешку с артефактами французского происхождения: Эйфелева башня, какой-то многокупольный собор, вроде бы парижский, что-то ещё. Амаспюр, судя по всему, усиленно ухаживал за своими французскими

корнями.

– Рэм Владимирович, – начал Николай, с удовольствием усевшись на стоящий перед огромным письменным столом доцента стул с чёрной вытертой кожаной подушкой. – Два дня назад на клиническом разборе Вы высказали предположение, что происходящее на отделении может быть новой болезнью...

– Ну деточка, – хихикнул Амаспюр. – Ну не «высказывал» я такого предположения! Оно просто в воздухе витало!

Слово «деточка» по обращению к себе, если оно звучало не от родной мамы, Николай последние лет десять терпел с очень большим трудом. Теперь именно с этим самым «большим трудом» он заставил себя не менять тон.

– Пусть так. Приведённые Вам примеры никого, судя по всему, не убедили...

– Вы знаете лучший?

«Прямо на лету цепляет!» – восхитился Николай. «И интересный переход от «деточки». Такое лет в 70 выглядит нормальным, но не в 50 с копейками, как у Рэма. Очередная деталь «французскости напоказ?»»

– Рэм Владимирович, – он помолчал с секунду, собираясь с мыслями. – Вам знакома та история с тампонами и гибелью девушек в 80-е и начало 90-х?

«Неудачная формулировка» – подумал он сам, и видя соответствующее выражение на лице

доцента, просто начал рассказывать то, что сначала просто вспомнилось ему из прочитанного мельком с год назад, а затем вылезло из недр доступного через отцовский компьютер «МедЛайна»: смерть в США и Великобритании сотен девушек и молодых женщин в течение всех 80-х и вплоть до последней крупной вспышки в 1993 году, – от токсического шока возникавшего без ясных причин. «Настоящей» эпидемией это явно не было, и официальная медицина происходящее игнорировала достаточно долго. В первую очередь просто от того, что с каждым новым случаем гибели практически здоровой молодой женщины сталкивался новый врач, ничего не слышавший о предыдущих, а во вторую – оттого, что это действительно не укладывалось в рамки нормального. Организм вдруг просто начинал идти вразнос, и через 2–3 дня наступала смерть. Тоже «просто». Даже в хорошо экипированных клиниках врачам в большинстве случаев не удавалось сделать ничего.

– Так, – глухо сказал Амаспюр. Николая нехорошо уколело то, что он, возможно, предполагает, что докторишка Ляхин сейчас возьмёт и откроет ему причину происходящего на отделении – которое пока выглядит по крайней мере похоже. Когда этого не произойдёт, он будет, пожалуй, разочарован.

Продолжая, Николай достаточно быстро

пересказал, как постепенно отдельные случаи кто-то догадливый начал увязывать в общую картину, и к началу 90-х каждая происходящая при схожих обстоятельствах смерть уже ложилась в общую статистику. Причину происходящего к этому времени уже искали: настойчиво и безуспешно. Но только к 1993-му специально занимающаяся этим группа сумела прокачать единственную общую черту у всех погибших: 16-ти и 30-летних, едва потерявших невинность и неоднократно замужних. Все они в дни последних в их жизни месячных пользовались гигиеническими тампонами одной и той же марки.

– Так что? – голос Рэма Владимировича вернул себе краски. – Умерший 30-го марта на нашем отделении и якобы от инфаркта миокарда 42-летний диабетик Болихат с во-от такими бицепсами был тайным трансвеститом? Равно как и...

Николай шумно вздохнул. Был такой старый литературный штамп: «Он был обречён на непонимание».

– Это просто пример, Рэм Владимирович, – сказал он вслух. – Просто ещё один пример, самую чуточку напоминающий происходящее у нас. И в том и в другом случае корни у всех смертельных исходов могут быть вполне реалистические.

– Разумеется. Злобный арабский террорист

прокрался ночью на отделение и вставил всем по тампону!..

Шутка была хорошая, хотя и чёрная. Против поверхностного, неискреннего чёрного юмора медики обычно ничего не имели – он помогал держаться и продолжать работать, оставляя за спиной лица тех, кому они помочь не смогли.

Амаспюр замолчал сам, и тогда Николай протянул ему нетолстую стопку отпечатанных на принтере листков – тезисы нескольких уже новых статей, вышедших по завершении той истории. Картридж отцовского принтера уже подсел, и по середине каждой страницы шла широкая полоса более блеклого текста. Жест оказался весьма кстати, – продолжать пошучивать доцент не стал, начав быстро проглядывать бумаги. С английским у него, в отличие от многих на кафедре, оказалось очень неплохо, что Николая искренне порадовало.

– Да. – Наконец заключил он. – Это интересный пример. Спасибо.

Вот это было здорово. «Спасибо» было тем словом, которое произносилось вовсе не каждым.

Оба помолчали. Доцент Амаспюр явно о чём-то размышлял, склоняя голову набок. Выражение на его лице и поза оказались настолько похожи на висящую на ближней к Николаю стене фотографию крупного эрдельтерьера, что он едва удержался, чтобы не показать на неё взглядом.

– У тебя есть вот эта статья целиком?

– Нет. В открытом доступе статьи нет, слишком старый выпуск. Но можно, вероятно, спросить в «Публичке».

– У тебя туда есть пропуск?

Амаспюр перешёл на «ты» как-то незаметно, но вполне естественно и искренне. Интересно, стоит ли это воспринимать как переход на новый уровень общения?

– Есть, Рэм Владимирович.

– Сделай, пожалуйста, мне копию, если найдёшь её там. Вот эту.

Ксерокс в Публичной библиотеке стоил просто неприличных денег, а очередь на ксерокопирование занимала два раза минут по сорок: сдавать и получать, – но какое до этого дело доценту, правда?

Выйдя из кабинета, Николай поразмышлял с минуту в одиночестве, пока прошедшая мимо Даша не поманила его за собой. Не задавая лишних вопросов и особо не думая, он пошёл за ней.

– Ну что? – спросила Даша, когда они отошли метров на десять.

– Что: «Что?»

Странный вопрос, учитывая то, что о предстоящем визите к Амаспюру Николай особо не распространялся, а отчитываться не собирался уж точно. Относиться к тому, что он сделал, можно было по разному, и в конце концов он не сделал ничего ни важного, ни

предосудительного. Выразил своё мнение. Выдал аргумент средней степени полезности, который доцент может попробовать употребить в свою пользу. Продемонстрировал, по мере сил, эрудицию и инициативу в закрытом от посторонних ушей помещении, и в итоге – получил несколько знаков симпатии. Говоря языком людей на 5 лет моложе – «прогнулся».

– Сам-то ты что про это думаешь?

– А я, Даша, просто не знаю.

Пахло от её волос оглушающе: чем-то горьким, вроде крапивы или полыни. Говорят, полынь возбуждает аппетит. Ну-ну...

– Я тоже.

Даша тихо вздохнула, и запах стал совсем уж непереносимо давящим сердце. Его источник – пушистые, серого оттенка волосы, отчаянно хотелось потрогать. Было странно, что ординатор остановилась с ним поговорить о работе – она была старше Николая на три институтских года, а это – почти пропасть.

– Моя Цыпляева умирает. По половине признаков – то ли Конго-Крымская лихорадка, то ли что-то в этом роде, – то есть быстро в «Боткина» и поднимать эпидемиологов. По второй половине – ничего подобного. Значит не то. Ты когда в последний раз видел такое в Петербурге?

– Я никогда не видел, – честно ответил Николай, наконец-то сумев как следует вдохнуть.

– Ни разу. Только на экзамене по инфекционным болезням и столкнулся, в ситуационной задаче.

– На экзамене, – опять вздохнула Даша. – Хотела бы я...

– Сколько лет твоей Цыпляевой?

Николаю хотелось сказать ординатору Даше что-то хорошее, и хотя бы просто шевельнуть рукой в направлении её щеки, но разговору тогда пришёл бы конец, да и хорошим отношениям, наверняка, тоже. Это жалко было терять.

– Семьдесят ровно. Стандартный возрастной набор диабетика – не лишком значимая невропатия, не слишком серьёзная нефропатия, сердце. Ей бы жить ещё, и жить. И ведь сама уже всё понимает...

По коридору мимо них, стуча каблуками прошла хорошо одетая девица лет 28, несущая на плече тяжёлую сумку. Поглядела мельком, потом остановилась, вернулась, поставила сумку на один из стоящих в коридоре стульев из сколоченного по 5 штук ряда, начала что-то грузить в пользу фирмы «Вёрваг Фарма». Впрочем, девица оказалась вовсе не дурой, и оценив говорившие сами за себя выражения лиц Николая и Даши, быстро откланялась, вручив им по маленькому фирменному блокноту с рекламой витаминов и уцокав дальше.

– Коля... – Даша вроде бы решила на что-то, и Николай посмотрел на неё ожидающе.

– Вот во всех детективах, если происходит

цепочка настолько не связанных друг с другом смертей, то начинают искать что-то общее. Какую-то несложную деталь, которая всех их объединяет.

«Ого», – это слово Николай не произнёс вслух, ограничившись кивком. Амаспюр, пожалуй, был прав – общее понимание того, что что-то неладно, действительно витало в воздухе.

– Тебе удалось что-то раскопать? – осторожно поинтересовался он.

Опять же странно, что даже если это и так, то Даша вдруг решает сообщить хотя бы о догадках зелёному интерну. Впрочем, что он знает: мало ли кто и куда её уже успел послать с её догадками?

Ординатор покрутила головой, то ли в отрицании, то ли оглядываясь, и Николай почти ожидал, что она поведёт его куда-нибудь ещё, подальше из проходного и освещённого коридора, поэтому в груди ёкнуло.

– Да не то, чтобы раскопать... Так, деталька странная уколола. Сказала Игнату – а он смеяться начал.

– Я не начну.

Николай пообещал искренне и на полном серьёзе, смеха у него внутри не было ни на малейшее «хи-хи».

– В Питере кто только не живёт, правда? И к нам в больницу кто только не ложится.

– В каком смысле?

Даша явно волновалась, и это само по себе было волнительно. «Ох, мама, ну что же я такой дурак с красивыми женщинами?..».

– В смысле национальностей. Я ещё неделю назад впервые об этом подумала, но когда сунулась в хранилище посмотреть все «истории» наших погибших больных, оказалось, что их просто так не дают, только старшим врачам или по прямому их разрешению. Всё же мне вполне разрешили посмотреть просто обложки историй, и оказалось, что все фамилии – только русские или, во всяком случае, точно славянские. Ни одной грузинской, ни одной татарской, ни какой другой – хотя таких больных полно, ты сам знаешь.

Николай помолчал, переваривая сказанное. Смеяться он, как и обещал, не собирался, – чего нет, того нет. Отвечать грубо или просто закатить глаза и про себя обозвать Дашу дурой – тоже очень не хотелось, не подходила она под такое определение. А что-то ответить было надо.

– Больной Болихат?

Снова вспомнилось, что именно этот пример и привёл ему Амаспюр меньше 15 минут назад, пусть и в другом контексте.

– Это белорусская фамилия, насколько я понимаю. Сейчас перестали национальность в документы вписывать, но и так можно догадаться. Хотя белорусов, конечно, в Петербурге мало.

– Ну...

Плечами Николай пожал не слишком уверенно – как вести разговор дальше он не имел понятия.

– Ещё была Кнорезова – это тоже белорусский корень. Но знаешь, Даша, это ведь не имеет никакого значения. За советские годы всё здорово перемешалось, – а тогда это действительно, за некоторыми исключениями, роли не играло. Вот у меня друг есть – чистокровный грузин с полностью русскими именем, отчеством и фамилией. И другой приятель – вообще наполовину норвежец, и тоже – имя русское, фамилия хохлятская.

– Правильно, – согласилась Даша. – И именно поэтому у нас ещё принято спрашивать место рождения. У половины – Питер и пригороды, остальные – всё подряд, без всяких неожиданностей. От Северобайкальска и Калининграда до Казахстана. Но ни бурятов, ни казахов среди них не находится, вот ведь что странно...

«Приехали», – подумал доктор Ляхин, перебирая в памяти формы носа тех родственников, которых знал. Это было нелегко, поскольку с семейными архивами у него дома, как и в подавляющем большинстве других более-менее русских семей было плохо. «Сейчас Даша исказится лицом, задёргает левым веком, обзовёт меня еврейской мордой, и гордо уйдёт,

рассыпая по сторонам листовки «Русского Национального Единства»».

– Нет, пойми меня правильно, – сказала вместо этого Даша, чуть ли даже не покраснев. – Я ничего не имею против бурятов... Или бурят?.. И казахов, и всех остальных. Я просто непонятно объясняю. Если взять случайную выборку из 40 больных, умерших за последние 10 лет на, скажем, отделении факультетской хирургии от осложнений аппендицита – это будет точный срез городской популяции. Две трети будут Ивановы, Иванченко и Иванищенко, а треть будет иметь нормальные татарские, еврейские и прочие фамилии, как и положено в Петербурге. Подобной же величины группа из умерших у нас за полтора месяца – только славяне. Почему?

– Знаешь, – произнес Николай, – Я должен сказать тебе спасибо за доверие. По моему мало что значащему мнению – это глубокая случайность, никакого значения на самом деле не имеющая. Но послушай тебя какой-нибудь шустрый журналист – и неприятности отделению обеспечены.

– Куда уж больше неприятностей...

– А вот больше, – не согласился он. – Если журналист будет из газеты «Завтра» – раздастся вопль, что жидаы опять травят русский народ. А если из «Часа Пик» – то на нас навесят всех собак за то, что мы распространяем сеющие межнациональную рознь слухи и вообще в душе

сочувствуем затравившему отечественную генетику Лысенко.

– А причём тут Лысенко?

– Ну как же. Ты же про генное оружие мне намекаешь?

Даша уставилась на юного доктора Ляхина своими распахнутыми как у куклы глазищами, и даже похлопала ими. Впечатление было потрясающее – у более инфантильного, не наигравшегося в детстве человека сработал бы рефлекс по укладыванию её в горизонтальное положение, чтобы услышать «ма-ма», переодеванию и купанию. У менее робкого, наверное, тоже. Николай же только вздохнул.

– Старые квазинаучные и околomedцинские байки, вроде «Гербалайфа» и двухнедельных курсов компьютерной полидиагностики, выпускницы которых пристают к посетителям в половине аптек города с обещанием поставить им все диагнозы за 5 минут. Дескать – в глубоких недрах закрытых «почтовых ящиков», от разбомбленного уже окончательно Багдада до Урюпинска-69, жутко умные учёные, сурово наморщив лоб, куют биологическое оружие, которое будет действовать строго избирательно на определённые этнические группы. Ты веришь в такое?

– Ой...

Даша прикрыла рот ладонью и переступила с ноги на ногу.

– Да мне и в голову не приходило... Я же просто так – заметила, и вот сказала...

– И хорошо, что не приходило, а то твоя теория прямо в точку ложится...

На последних словах Николая больно стукнуло в подреберье прыгнувшим где-то внутри невидимым мячиком. Глупая байка действительно имела под собой по крайней мере теоретические предпосылки – насколько он мог оценить на своём уровне. У неевропеоидных рас, скажем, частота осложнений сахарного диабета 2-го типа хронической почечной недостаточностью действительно больше в разы – и это только самый близко лежащий к отделению пример, данный навскидку.

– А ты веришь?

Даша смотрела так, что с месяц назад от такого взгляда он умер бы на месте. Ни разу за почти год, с того момента, когда она хотя бы узнала его имя, Николай даже не пытался произвести на неё впечатление, находя это бесполезным. Теперь он почти испугался эффекта.

– Да как тебе сказать. Есть, скажем, такие индейцы Пима в Северной Америке. У них считается, что чем толще человек – тем он красивее.

– Здорово! – Даша искренне порадовалась за индейцев, и Николай сам с удовольствием улыбнулся.

– Ну вот, а поскольку с едой в наши дни проблем по крайней мере в США нет, то они все сплошь толстые и красивые. И при этом – с идеальным артериальным давлением, что для полных людей вообще-то весьма нехарактерно.

Оба сделали паузу, быстро прокрутив в голове по три десятка прошедших через собственные руки больных с разными степенями ожирения.

– Ну... Да...

– Это один пример. Другой, – это тот же сахарный диабет, частота которого... Ну, поняла? В Объединённых Арабских Эмиратах им страдает каждый пятый взрослый, а в Китае, например, почти в 50 раз меньше.

– Меньше сахара едят. Но я согласна, что-то тут такое есть. Я сама уже припоминаю...

– Вот-вот, – Николай развёл руками, ненароком скользнув взглядом по циферблату на запястье. – Таких примеров из разных специальностей каждый доктор может при желании привести штук сто. Остановка дыхания на дачу наркоза в семьях выходцев из Голландии, в том числе живущих лет двести уже в ЮАР; подавляющее преобладание IV группы крови у жителей Гренландии, да и вообще что угодно. Но оружия из этого не сделаешь.

– И слава Богу.

– И слава Богу! – искренне согласился он сам. – Потому что только этого нам не хватает для полного счастья. Слушай, ты меня извини, я

ужасно был рад с тобой поговорить, но мне надо ещё своих больных по разу посмотреть. Пятница всё-таки. Я сегодня дежурю ночью, но мне хотелось на бабушку Январь натравить ещё мадам Свердлову, до того как та домой уйдёт. Очень мне её лихорадка не нравится. В таком возрасте это чревато.

– Да, конечно, Коля. Спасибо тебе.

Ординатор Даша два раза несильно дёрнула его за рукав халата, и Николай чуть не засмеялся вслух – настолько понравилась ему такая форма прощания.

В отличном настроении, мысленно переваривая Дашины интонации и на ходу снимая с шеи фонендоскоп, Ляхин ушёл к своим больным. В первую очередь – послушать Екатерину Егоровну, пусть и в четвёртый раз за день. Её свежая рентгенограмма была чиста и невинна, но лежание в больнице для уже настолько ослабленной старой женщины прямо напрашивалось на вторичную пневмонию, и Николай, дослушав, пополировал рукавом тёмно-синий пластик своего не по возрасту шикарного «Литтманна».

– Да шли бы Вы домой, Николай Олегович! – посоветовала больная, неправильно расценившая его задумчивость. – Уже который час на дворе, а Вы всё меня щупаете!

– Да мне ещё дежурить сегодня, так что некуда особо торопиться, – машинально ответил

он, и только потом, повернувшись, уже нормальным докторским голосом заверил больную, что ничего более важного, чем не пропустить возможную пневмонию у него сейчас нет. У остальных всё было несколько лучше, хотя разнообразие их диагнозов и лекарственных схем напоминало сложную карточную игру, из интеллектуальных, – когда в памяти приходится держать каждую сдачу на партнёров из по крайней мере пары 52-карточных колод. Можно было предполагать, что хороший терапевт способен затоптать за карточным столом профессионального математика, но до такого ему было пока далеко.

Дыры в личном бюджете Николай, по мере способностей заткнул очередными сеансами противорадикулитного массажа на неврологии, как и все последние дни закончив получением 150 рублей с того крепкого бизнесмена, которого он продолжал про себя называть «шифоньером». Вместе с двумя остальными клиентами, в том числе страдающей от боли в спине женщиной лет сорока в очень неплохой форме, бизнесмен вполне проспонсировал ему хорошие выходные: начиная от перекусона с Игнатом в середине дня где-нибудь в районе завтрашнего автосалона, и заканчивая давно откладываемым, за неимением сил и средств, походом по периферийным книжным магазинам, где цены иногда были ощутимо меньше, чем в центре.

Перекинувшись парой слов со спешащим на свой волейбол Ринатом, и отпившись чаем с остатками бутербродов уже на родном отделении вместе с парой припозднившихся докторов, Николай расслабился в глубоком кресле, расстегнув уже здорово потаскавшийся за неделю белый халат до самого никуда и меланхолично следя за приближающейся к цифре «5» часовой стрелкой на прицепленных над дверью канцелярских часах. С пяти собственно и начиналось его дежурство.

Без нескольких минут пять в ординаторскую вбежала запыхавшаяся, весело его поприветствовавшая доктор. Как-то не удосужившийся до этого момента поинтересоваться тем, с кем ему выпало сегодня ночевать на «скором дне» Николай удивлённо на неё уставился, раскинув руки в кресле в классическом жесте мышки из анекдота: «Где моя колбаска?».

– Ольга Андреевна, а что, снова Вы сегодня?

– А как же!

Доктор, чиркнув застёжкой, содрала с себя рыжую кожаную куртку, и сунулась в угловой шкаф, загремев там сыплющимися на пол вешалками.

– Вера почувствовала себя плохо, да домой ушла пораньше, – сказала она изнутри. – Ну так мы с ней, с одобрения начальства, и поменялись на 20-е.

Ольга Андреевна – это было «официальное» имя больничного ординатора, которую Николай мельком знал ещё по старым стройотрядам из «братских» по общей зоне или району, но с которой он так и не перешёл на «ты». Последний раз на его памяти она дежурила как раз две ночи назад, перед той благополучно закончившейся историей с нераспознанным гепатитом, а это он и сам без лишней гордости воспринял бы как по меньшей мере «тяжеловато». Ради денег, видимо.

В пять с копейками в ординаторскую вошёл заведующим, спокойно посмотревший на удовлетворившую его картину – ординатор Роон и молодой интерн сидят за столами, перебирая стопки «историй болезни», снятые к началу дежурства с сестринских постов. От профессора пахло хорошей туалетной водой и предчувствием выходного дня. Впрочем, этим последним пахло уже отовсюду.

– Всё нормально, Ольга Андреевна?

В принципе, ничего такого не случилось бы, если бы заведующим назвал её просто «Олей», и Николай даже удивился, что тот озаботился на полное обращение всего-то из-за его присутствия.

– Да, Владимир Анатольевич, спасибо. Я перед выходными много поступлений не ожидаю?

– Всякое может быть. Дачный сезон не начался ещё, так что все сердечники в городе. А что, Вы снова дежурите сегодня?

– Да, Вера Дудник заболела. Я поменялась.

– А, ну тогда всего хорошего. Смотрите внимательно, чтобы опять чего не вышло...

Ординатор Ольга ровно улыбнулась, и, сделав многозначный жест ладошкой и зевнув на ходу, профессор вышел, кивнув на прощанье Николаю. Ну, вот и началось официальное дежурство.

Вечер прошёл без особенностей – только часам к восьми на отделение из приёмного прислали, в сопровождении санитарки лет семнадцати, мужчину с тёмным и грубым лицом строительного рабочего. Двигался мужчина с трудом, прижимая к себе пакет с больничными принадлежностями и шаркая тапками.

– Почему не на кресле не привезли? – Спросил Николай у санитарки, спокойно пожалвшей на его вопрос плечами. – Что, трудно было?

Девушка посмотрела на него, как на идиота, вручила оформленную двумя этажами ниже пустую склейку «истории болезни» и ушла по полутёмному коридору, покачивая бёдрами, как взрослая. В другое время он остановил бы соплячку и по крайней мере высказал бы ей, что именно, по его мнению, входит в понятие «медицинская субординация», – но при привалившемся к стенке больном было не до этого, и Николай просто мысленно плюнул.

– Вам привезти коляску? – спросил он больного сам, но тот только покачал головой, и минут за пять дотопал по коридору до мужской

палаты, номер которой был уже выписан, пусть и карандашом, в углу «истории».

Уложив больного, Николай сунулся к Ольге Андреевне, смотрящей вечерний выпуск новостей по тусклому телевизору в комнате отдыха составляющей заднюю часть собственно ординаторской, и договорился с ней, что примет больного сам.

– Раз первый пришёл, значит сейчас ещё кто-нибудь будет, – сказала Ольга, попиливая каким-то женским приспособлением короткие круглые ногти. – Примета такая.

Ну, примета, – так примета, ничего против этого Николай не имел.

Темнолицему больному по фамилии Агаджаманян было всего 47, но выглядел он здорово старше – температура у него была сильно за 39. Выругавшись про себя, Николай поклялся дойти до приёмного отделения и поговорить с дежурящими сегодня врачами, как только будет такая возможность. После этого – в хорошем темпе, чтобы не слишком больного утомлять, он провёл весь опрос и осмотр, на ходу ведя запись на разграфленный лист кривоватым «на коленке» почерком. Поколебавшись, он записал в собственном блокноте на пункт «Предварительный диагноз» пиелонефрит под вопросом, и для переноса потом в чистый ещё лист назначенных анализов – все положенные.

Когда он закончил, больной Агаджаманян с

кряхтением потопал в направлении указанного ему туалета, получив приказ подождать там доктора, не заходя пока вовнутрь. От коляски он снова отказался. Сам Николай быстро дошёл до процедурного кабинета. Поздоровавшись с дежурившей сегодняшней ночью девочкой-третьекурсницей с лечебного факультета, он забрал с полки одноразовый бумажный стаканчик и футляр с пластиковыми полосками мочевых тест-систем. Используемый на отделении как раз для таких случаев южнокорейский «Урискан-10» был отчаянно просрочен по сроку годности, но основные параметры пиелонефрита он выдал вполне чётко, и через пару минут, с удовольствием от собственной догадливости, доктор Ляхин повёл больного на место. Если у Агаджаманяна случайно нет сочетания тяжёлого парагриппа, радикулита и гонореи, то это действительно пиелонефрит. Однако Ольга Андреевна не развалится, если посмотрит больного сама, и скажет, что думает по этому поводу. В этом её работа, собственно, и состоит.

В «рабочей» ординаторской Ольги Андреевны не оказалось, а когда Николай заглянул в комнату отдыха, телевизор там оказался выключен, а свет погашен. Он уже собирался закрыть дверь и пройти по коридору, заглянув по ещё одному разу к своим больным, пока они ещё не совсем улеглись спать, когда почувствовал, что что-то не

так. Остановившись на пороге и давая глазам привыкнуть к полумраку, понимая, что такого странного щекощущего ощущения мурашек, бегущих по телу вместе с пульсом он не испытывал давно, Николай осторожно сдвинулся влево, протягивая руку к невидимому выключателю. В этот момент закрывавшая правую часть комнаты створка не до конца открытой двери прыгнула на него, и из «мёртвой зоны», оттуда же, справа, широко вышагнула глухо-тёмная человеческая фигура. Не задумавшись, не приостановившись чтобы рассмотреть происходящее, даже не успевший открыть рот, чтобы позвать Ольгу Николай шагнул вперёд и влево, и рубящий, нацеленный на его горло удар пришёлся в загиб брошенной им кверху правой руки. Крутанувшись в обратную сторону, вбок, он хотел ответить встречно-косым, скользящим по чужой вытянутой руке толчком, как учат совсем уж начинающих айкидошников, но внезапно для самого себя прервал едва начатое движение и заломил дёрнувшемуся человеку руку назад, через его собственное плечо. Прделанное движение, смазанный, дурацкий приём, сведённый из двух, был неожиданным для него самого, растерявшегося. Из-за этого он чуть не повалился на рухнувшего как подкошенный, затылком вниз, чужака, – едва успев перешагнуть вбок и мягко опуститься вместе с ним, впечатав в

пол чужой, хрустнувший, остро заломленный локоть.

«Опа!» – громко сказал кто-то в его голове, и совершенно обалдевший от происходящего Николай ударил пытающегося вывернуться человека по губам, ещё сильнее наваливаясь телом на его совсем уж согнувшуюся дугой руку. Незнакомец зашипел от боли, но не крикнул и дёрнулся ещё раз, попытавшись крутануться на полу и взбрыкнув ногой. То ли случайно, то ли нет, он вlepил прямо в дверь, – со стуком закрывшуюся, и последним источником света в комнате, где глухие шторы на памяти Николая открывались буквально пару раз осталась струйка света из щели под ней. Теперь человек, елозя, попытался вывернуть другую руку, одновременно упираясь затылком и ногами в пол и выгибаясь. Ещё одна попытка вывернуться, и ещё один удар – совсем уж на ощупь, но тоже попавший в цель. После этого оба на секунду затихли, продолжая напрягаться, но не двигаясь.

– Ну ладно, – неожиданно спокойным голосом произнёс лежащий, глядя, судя по ощущениям, прямо в лицо согнувшегося над ним на одном колене Николая. – Отпусти меня.

Сказанное было настолько ненормальным, что он чуть было действительно не отпустил захват. Судя по всему, сказался отработанный на тренировках рефлекс: отпустить, после того, как приём доведён до конца. Похлопать по полу

непонятный человек не догадался, и Николай моргнул на мелькнувшую в голове мысль, что если бы тот добавил это к сказанному, то точно заставил бы его отпустить себя и удовлетворённо разогнуться.

– Я кому сказал, отпусти!

Теперь интонация стала уверенно-повелительной, хотя голос по-прежнему оставался тихим, и несколько пришедший в себя обладатель сравнительно невысокого спортивного разряда наказал это рывком загнутой ладони на себя, что наконец-то заставило человека вскрикнуть от невыдержанной боли.

– Сейчас я встану и открою дверь, а ты продолжай лежать, – скомандовал Николай как можно более убедительным «мужским» тоном, и полным голосом, хотя говорить почему-то хотелось негромко. Точнее, вообще не хотелось. – Дёрнешься, – пну ногой, а потом уроню снова.

С полгода назад, в свою последнюю настоящую, а не спортивную драку он сказал полупьяному дураку, заведшемуся к нему на тёмной улице в одиночку, что сломает ему обе руки. В этот раз Николай говорить подобное не стал – очень уж ему не понравились интонации незнакомца. В своей способности завалить кого попало он весьма сомневался, но продолжать удержание ещё минуту было бы совсем странно – надо было или доламывать руку, или

подниматься. Он выбрал последнее.

Не отрываясь взглядом от серого силуэта, Николай медленно распрямылся и осторожно, на полшага, сдвинулся назад, логично опасаясь удара по ногам. Пошарив за спиной, он приоткрыл дверь, и с интересом посмотрел на лицо встающего: то ли мужчины, то ли парня в том «промежуточном» периоде, когда возраст определить труднее всего. Рост у него оказался не слишком высоким, но взгляд был прищуренным и наглым. Так смотрят некоторые молодые «белые воротнички» на быдло, вроде врачей. В том, конечно, случае, если они здоровы.

– Ну? – спросил Николай, перегораживая дверной проём.

Вместо ответа непонятный парень двинулся вперёд, властно отстраняя его поднятую руку и брезгливо кривясь. Это было именно то выражение лица, которое всегда его бесило, у любого «собеседника», – а то, что это может быть просто отголоском до сих пор переживаемой боли, пришло ему в голову с запозданием. Когда парень, даже не слишком торопясь и продолжая морщиться с силой оттолкнул Николая с дороги, он, наконец-то перейдя в состояние озверения, ответил тем же. Парень встал в стойку и произвёл пару финтов правой рукой, – на что, уже полностью сбесившись, почитатель спортивной этики перворазрядник Ляхин выдал ему

короткий пинок в лодыжку и дал в морду. Оказалось, что подобного перехода этот тип опять не ожидал, поскольку его ответный удар был странно ненаправленным, едва скользнув по груди Николая, развернувшегося по-матадорски, боком к его движению.

«Ух!» – снова шумнула в его голове громкая мысль, и приём, теперь уже «чистый», получился второй раз подряд: правой рукой за запястье, и левой – дугообразно вверх-вперёд, а потом вниз, вместе с поступательным движением уже всего тела. Парень с хрюканьем ткнулся лицом в грязноватый пол, оставив вывернутую руку торчать вверх, и Николай радостно сдвинулся на другую сторону от его головы, – как учили.

– Ну я же просил... – многозначительным тоном сказал он. – Ну кому легче в такой позе общаться-то?

Адреналин стучал и прыгал в висках, но голос Николай постарался поставить ровно. Демонстративной уверенности в голосе и движениях у него было гораздо больше, чем их имелось на самом деле.

– Да пусти же!

Парень наконец-то сорвался на тон, к которому его принуждала обстановка: визгливый.

– Да что ты, заяц? – удивился добрый доктор, найдя секунду даже уже для того, чтобы с неудовольствием оглядеть испачканную полу

своего халата. – А кто мне рассказывать будет, чего здесь делаем, и зачем на людей бросаемся?

– Пусти!

Ситуация была тупиковая: непонятного посетителя ординаторской опять надо было отпускать. Чего ему нужно было в комнате отдыха: телевизор посмотреть? По шкафам пошарить в поисках забытой кем-то из врачей с новогодних праздников меховой шапки? Или там в углу лежит обиженная, а то и изнасилованная Ольга Роон? Нет, это уж вряд ли – если с этим типом справился он сам, не будучи крутым ни на секунду, то Ольга Андреевна, со своей гандбольной подготовкой порубила бы беднягу на вермишель голыми руками.

Парень опять дёрнулся, и Николай, несильно нажав с разик, со вздохом его отпустил, снова задав тот же вопрос: «Ну?».

На этот раз понтов у парня было гораздо меньше. Едва вскочив на чуть не подогнувшиеся ноги, он бросился к двери в коридор, даже не пытаясь достать улыбающегося ему доктора Ляхина второй раз. На пороге он едва не споткнулся, затем звуки бега прогрохотали по коридору, и всё стихло. Дёргаться вслед Николай не стал, и вышел из ординаторской не торопясь, как раз к тому моменту, чтобы увидеть удивлённо застывшую посреди площадки на пересечении коридоров палатную медсестру с подносиком в руках. Девушка с недоумением

повернулась к нему, выразив изумление на милом лице, и Николай опять подумал о том, что бы это всё могло значить.

– Чего это тут разбегались, на ночь глядя?

Поскольку Николай не рискнул честно ответить, что это – избегая его пинков, а первичную причину вообще самого факта появления какого-то непонятого человека на отделении в десятом часу вечера он не знал, – то просто пожал плечами и ушёл обратно. Странно, конечно, – входы внизу были закрыты на ночь, а до расклейки окон на первом этаже, учитывая погоду апреля месяца, было ещё далеко. Вот пройти на территорию «большой» клиники проблем не составляло – в трёх или четырёх местах опоясывающую, в принципе, всю её территорию ограду прорезали калитки. У ворот для машин был пост якобы охраны, но к такой «охране» любой нормальный человек у них относился индифферентно, – что было большим прогрессом по сравнению с не так уж давним нескрываемым презрением. Появившиеся там в середине 90-х крепкие и вечно нахмуренные мужики в украшенном нашивками камуфляже, с наручниками и резиновыми дубинками, которыми они поигрывали, останавливая понравившегося или не понравившегося им человека исчезли где-то с год тому назад, после мерзейшей истории, оставившей у всех сравнимое по силе с зубной болью ощущение.

Получая побольше любого врача с категорией, и не делая целыми днями ничего полезного, они, фактически, дождались своего шанса, когда на выходящую с больничной территории позже общего потока аспирантку кафедры инфекционных болезней набросился то ли действительно маньяк, то ли покусившийся на её пижонски-короткую меховую шубку «из козлика» грабитель. Аспирантка подняла визг и бросилась к домику героических охранников, до которого было метров тридцать – оскальзываясь на сыром ноябрьском снегу и размахивая, для балансировки, сумочкой. Увидев бегущего за визжащей девушкой худого, на ходу машущего руками мужичка суровые охранники нырнули в свой домик и заперлись изнутри... То, что они немедленно позвонили оттуда в милицию никакой роли уже не сыграло – неудавшегося вероятного насильника шуганул случившийся мужчина-врач. Было на самом деле не слишком поздно, но уже здорово темно, – и тот куда-то делся. Милиция, разумеется, так и не приехала, а крепкие ребята с нашивками исчезли, сменённые появившимся через день дежурным пенсионером, вежливо здоровающимся с профессорами и поднимающим хлипкий шлагбаум при виде больничного пропуска или красного креста на машине.

Вернувшись в ординаторскую, Николай поднял успевший упасть поперёк прохода стул и

наконец-то без приключений заглянул в комнату отдыха. Неяркая лампочка работала нормально, и её света вполне хватило, чтобы увидеть лежащий на полу, за образованным той же самой широко теперь открытой дверью уголком, ключ. Ну да, конечно... Основную ценность комнаты составляла не старая «Радуга 716» с севшим кинескопом, а приземистый, выкрашенный в тёмно-оливковую военную краску сейф. Николай покрутил ключ в руках. Белый металл, чистая, без царапин и потёртостей, рукоятка, – или как там называется та его часть, за которую держат пальцами. Новый, хорошо отполированный, маслянистый, ключ удобно лежал в ладони. Забавно...

Оглянувшись на прикрывшуюся на пружине коридорную дверь, Николай покачал ключ в руке и с сомнением поглядел на сейф. Ключ был похож, – за исключением того, что тот, который сейчас лежал в кармане халата ходящей где-то по палатам Ольги Андреевны, был здорово потёртым и пожелтевшим от времени. Чёрт его знает, сколько лет было этому сейфу – судя по виду, им могли пользоваться ещё во времена чуть ли не самого Павлова. «В детстве мальчика Ваню Павлова укусил на улице щенок. Прошли годы. Щенок вырос в большую и злую собаку, и давно забыл об этом происшествии. Иван Павлов тоже вырос. Но он не забыл».

Николай засмеялся вслух. Это была реакция.

Он давно не дрался как следует. Пожав плечами, он согнулся и сунул ключ в замочную скважину сейфа. Тот лёг правильно, без нажима, и вроде бы за что-то зацепился, но проворачиваться не хотел. Подёргав его пару раз туда-сюда и вынув, Николай попробовал перевернуть его другой стороной – у ключа имелось две бородки и попытаться, конечно, стоило. В этот раз он даже не влез в замочную скважину, зацепившись каким-то выступом снаружи, и после ещё нескольких попыток пошуровать вставляемым так и сяк ключом в замке Николаю пришлось сдаться. Интересно, что подумала бы доктор Роон, зайдя в ординаторскую и обнаружив его, копающегося в замке каким-то самодельным, неработающим ключом? И что, интересно, он мог бы ей ответить?

Что находится в сейфе, Николай прекрасно знал – никакой особой тайны в этом не было. Дорогие и сильнодействующие препараты из группы «А», просто редкие лекарства, которых всегда не хватает. Некоторые бумаги отделения, вроде запечатанных канцелярских конвертов со слепыми схемами ведущихся на кафедре и отделении четырёх или пяти диссертационных работ. Общая металлическая коробка с витаминами, в которую многие любили залезть после обеда. Какое-то мелкое барахло, вроде ремонтного комплекта к давно распотрошенной безигольной диабетической тест-системе. В том,

что там именно сегодня ночью могут оказаться наркотики или скрывае́мый от «Де Бирса» рекордный якутский алмаз, Николай очень сильно сомневался, а тыкать ключом в чужой сейф и потом нагло лезть в драку на незнакомого человека ради пары коробок того швейцарского препарата который «6 часов половой свободы»... Это было просто странно. Спросить что-нибудь умное у Ольги Андреевны, попросить у неё настоящий ключ и порыться в сейфе самому в поисках чего-нибудь неожиданно интересного? И что ей сказать?

Как следует подумав, он решил молчать в тряпочку и ничего не предпринимать: если конечно, этот тип не ворвётся сейчас в ординаторскую второй раз, размахивая катаной и издавая пугающие слабонервных медсестёр выкрики. Никаких доказательств, кроме всё равно ни к чему в округе не подходящего ключа у него не имелось, а подкреплённый разве что испачканным халатом рассказ о героической победе над ночным грабителем будет логично воспринят Ольгой Андреевной неверно. Как попытка намекнуть на то, что сегодня стоит ночевать по крайней мере в одной комнате. Это если больные не начнут поступать один за другим. Подобный намёк, какие бы чистые мысли его на самом деле не вызвали, грозил испортить ровные отношения, вызвать чтение нотации о профессиональной этике, и в

конечном итоге – риск навсегда, пока не выгонят, ославиться на отделении как дешёвка. «Кстати о птичках», – подумал уже полностью согласившийся с собой Николай, – «А почему это я решил, что ключ от сейфа?».

Склонив голову на бок для удобства, он с минуту поразмышлял о том, какие помещения и кабинеты на отделении запираются по крайней мере на ночь. Рентгенкабинет? Кабинет функциональной диагностики? Просто процедурная, когда медсестра выходит из неё по палатам? Полезные размышления были прерваны стуком в дверь: из приёмного привезли очередного больного, – на этот раз на каталке. Ольги Андреевны так и не было нигде видно, и поскольку номера палаты на этот раз заранее не указали, то он приказал переложить больного (точнее, больную) на свободную и уже второй день как застеленную чистым бельём койку в коридоре.

Отпустив прикативших каталку санитарок, Николай притащил из ординаторской стул и присел у постели шумно, со свистом дышащей, глядя в потолок, старой женщины. Судя по заполненным графам «истории» ей было 74, а судя по лицу и дыханию ей было здорово худо. На вопросы больная реагировала плохо, – заторможено и с невнятными, не всегда понятными ответами. Поэтому он сконцентрировался на «ушах», как сколько он

себя помнил, на общепринятом жаргоне студентов-медиков называли фонендоскоп. Ольга Андреевна появилась минуты через три, похлопав вслушивающегося в хрипы Николая по плечу.

– Пневмония, – согласилась она, послушав сама. – Возраст какой?

– 74.

– Понятно. Ногти видишь?

Ногти у больной были уже синеватые – освещение теперь на отделении было в порядке, и разглядеть это было нетрудно.

– Поднимай реаниматологов. А то...

Она не закончила фразу, то ли не найдя подходящего латинского термина, то ли просто не сочтя это нужным, но всё было понятно и без этого. До утра больная могла не дожить.

В реаниматологии Николай надеялся встретить доктора, ведущую у его группы соответствующий курс год назад, но не повезло – дежурил другой врач, который даже не стал особо выслушивать причины его прихода.

– Мы зашиваемся, понял? – просто заорал он ему в лицо. – Хочешь помочь, а? Ни одной свободной койки, сёстры с ног валяются, а у вас там что – второй новый больной за ночь? Или третий? И сразу в реанимацию?

– Вторая, – подтвердил Николай, несколько пристыженный напором резко пахнущего потом и смертельной усталостью врача. – Но тяжёлая.

– Когда привезли?

– Минут двадцать тому назад.

Одетый в тёмно-зелёное – от тряпичного колпака до продетых в растоптанные сандалии носков, врач, коротко зашипев, просто развернулся и ушёл. Постояв, Николай понял, что давить в подобной ситуации – не с его статусом, и тоже пошёл назад, к себе. Ольга Андреевна восприняла сообщение достаточно спокойно, и вдвоём они тащили задыхающуюся женщину почти до утра. К этому моменту её дыхание можно было услышать уже из дальнего конца коридора, и пришедший сам, без напоминаний, посмотреть на неё врач-реаниматолог больную всё-таки забрал.

– Двое за ночь умерло, – сказал он мёртвым тоном, негромко – чтобы не услышала сама больная, когда они с Николаем везли её на постукивающей и пощёлкивающей колёсиками каталке. – Двое. Продерут нас в понедельник по самые уши... Эх, дождёмся мы прокурора...

За ночь и утро на отделение прибыло ещё трое больных, и хотя они не доставили особых хлопот, но всё вместе взятое вымотало и Николая, и больничного ординатора до предела. Постельные комплекты остались не разобранными, и пришедшая забрать их утром санитарка сочувственно вздохнула, глядя на их осунувшиеся лица.

Про тихо лежащий в кармане халата ключ он

вспомнил только часам к девяти, почти перед самой сменой, когда оба уже расслаблено сидели на ординаторском диване, расставив ноги и бессильно свесив руки вдоль тела. Помассировав грудную клетку, Николай заставил себя подняться и прошёлся по отделению, приглядываясь к замочным скважинам. Подходящих под двухбородочный ключ не оказалось ни одной, и на этом можно было заключить, что тот был всё-таки сделан под сейф. Ну и хрен с ним, – раз открыть его у этого непонятого посетителя не вышло, а по морде ему на отделении надавали, то вряд ли ему захочется ещё раз приходить.

Большинство больных уже поднялось, по коридорам шаркали ногами и переговаривались. Несколько человек с Николаем поздоровались, включая совершенно незнакомых, он вежливо ответил. В ординаторской Ольга Андреевна заваривала чай вместе с на редкость вовремя пришедшей на субботнее дежурство врачом Гнездиловой – суровой молодой женщиной, улыбающейся иногда так, что хотелось отрыть окопчик.

Больничные ординаторы любезно пригласили интерна дожидаться заваривающегося чая. Поглядев на часы и решив, что до одиннадцати вполне успеет добраться до «Московской» через всю «синюю» ветку метро, пересекающую город с севера на юг, он с удовольствием сел вместе с

ними. Женщины обсуждали шейпинг, и Николай с интересом послушал, стараясь не слишком улыбаться. В выборе зала было, оказывается, немало интересного. Кроме того, его приятно удивило, что обе, судя по всему, действительно ходили качать фигуру ради здоровья и хорошего тонуса, а не с целью познакомиться с недоласканным женой менеджером, сбрасывающим лишний килограмм. Впрочем, какое его дело. Каждой девушке счастья хочется...

Напоследок, Николай снова пробежался по собственным больным, – только поздороваться и перекинуться парой слов. Больная Январь улыбнулась и протянула ему яблоко, от которого он не отказался. Агаджаманян, которого Николай надеялся оставить себе, вообще спал как суслик. Не считая одного язвенника с фамилией Лобов, остальные были обычными для отделения «бабулками» кардиологического профиля, на каждую приходилось по несколько метров электрокардиограмм в неделю. Все в возрастном промежутке от 68 до 75, они жевали хорошо замасленную рисовую кашу и обсуждали последние новости то ли из Бразилии, то ли из Санта-Барбары, вслушиваться он не стал. Вот и всё дежурство. Теперь можно было отдыхать до понедельника, – пошляться по городу, какая бы погода не была, посидеть за компьютером, почитать вволю что-нибудь высококачественное.

Здорово!

Вышагнув из подъезда, Николай пополировал яблоко рукой, шурясь на белёсое небо. По дорожке прямо под ноги подскакала сорока, перья которой переливались по бокам металлически-зелёным и синим, чуть ли не как у петуха. Это было неожиданно и удивительно красиво. Сорока вспорхнула, и к Николаю подбежала лохматая собака, – то ли та же самая, что и приветствовала его пару дней назад, то ли просто такая же, – родственница по стае и операционному столу. На этих собаках традиционно тренировали студентов, поэтому относиться к ним было принято по-дружески.

Собачина поинтересовалась яблоком, но Николай поднял его повыше, чтобы не прыгнула. Есть она вряд ли будет, полижет только, а ему в самый раз, вместо какого-нибудь отечественного «Сникерса». Неторопливо шагая, довольный самим фактом начавшегося выходного дня, Николай пошёл в сторону станции метро. Под ногами хлюпало – под конец ночи, вероятно, прошёл сильный дождь, и вода ещё не успела целиком стечь с тротуаров. Когда всё так же с интересом разглядывая окружающее он добрёл до метро, было ещё без пятнадцати десять, и реально было минут пять постоять у книжного лотка или стоек с компьютерными дисками. Но это можно было с тем же успехом сделать и у «Московской», когда станет точно ясно, сколько

останется времени. Метро оказалось полупустым – как это, в принципе, и должно быть в 10 утра в субботу, когда все нормальные люди спят. Две девчонки лет по 16 переглянулись и прыснули, увидев, как он смотрит на отражение своего помятого лица в зеркале. Чёрт знает что можно подумать. Николай со смущением осознал, что небрит, но сразу же заставил себя переключиться на равнодушие. Кому какое дело, откуда он едет...

Вагон метро раскачивался и гудел, проносясь по закругляющемуся то в одну, то в другую сторону туннелю подземки, в тёмных окнах мигали редкие лампы. На «Невском Проспекте» половина пассажиров, в основном молодёжь, вышла, и чуть меньше вошло – народ в основном ехал развлекаться. Мужчина в расстёгнутом тёмно-синем пальто водил пальцем по схеме метрополитена, сверяясь с тонкой раскрытой книжкой, – вероятно, приезжий, причём издалека: русские путеводителей обычно не покупают. Тёмно-рыжая девушка лет двадцати сладко спала на плече поглядывающего вокруг крепкого парня в чёрной куртке, на них было приятно посмотреть. Половина пассажиров читала, из них большая часть – чёрно-жёлтые книжки Донцовой. Несколько, – там и сям, что-то другое: мужик в кепке «под Ватсона» – помятый «Спорт-Экспресс», стройная деваха в стильных очках, сидящая наискосок – что-то

академическое, в хорошей твёрдой обложке. Стоявший несколько станций у «нерабочей» двери всклокоченный парень пересел напротив Николая и продемонстрировал раннего Олега Дивова, – лучшего, вероятно, русскоязычного автора последнего десятилетия. Но на душе почему-то стало нехорошо. Тревожно.

На «Технологическом Институте» двери поменялись и люди пошли с другой стороны, со спины. Ох, что-то в вагоне было неправильно. Вывернув голову, Николай осмотрел вошедших, произвольно двигая плечами под курткой, чтобы разогреть мышцы. В спине хрустнуло, и по телу потекло тепло. Трое пацанов-подростков, один со свисающими с шеи наушниками плеера. Высокий мужик в потёртой куртке-«пилоте», с прямым лицом и короткой стрижкой: по типуажу – младший офицер из настоящих, боевых частей. Оплывшая тётка, сразу оглядевшая всех с подозрением – захотят ли они встать, если свободного места не окажется. Мальчик лет десяти с то ли молодым дедушкой, то ли староватым и непохожим дядей. «Дядя» был в смешных не мужских меховых наушниках, в каких ходят обычно девочки, разве что чёрных. Николаю неожиданно стало страшно, и он опустил глаза. Он знал за собой вполне сформировавшуюся привычку в незнакомой обстановки оценивать окружающих на предмет потенциальной опасности, более того, – находил

её полезной, но такого чувства как сейчас, не испытывал, пожалуй, никогда. Не слишком пристально разглядывая ботинки пары напротив, он припомнил ощущение, которое пережил во время последнего клинического разбора – локальной, сиюминутной опасности. Сейчас было что-то подобное, только посильнее. Паранойя начинается?

«Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – «Фрунзенская»». Не вошёл и не вышел ни один человек, в выходные дни станция была не слишком популярна. Ощущение опасности не исчезло. Более того, оно стало направленным. Слева.

Расслаблено поведя равнодушным взглядом по фигурам, Николай попытался определить, что именно привлекает его внимание. Офицер в «пилоте» посмотрел спокойно, оценивающе. Столкнулись глазами. Не он. Тётка мрачно о чём-то думает. Пацаны болтают, тесно приблизив головы друг ко другу. Рыжая спит, её парень, похоже, расслабился. Стильная девушка была справа. Пацан в синей шапочке-«петушке» тупо смотрит себе под ноги, опустив голову; его поводырь разглядывает окружающее. Снова страх. Николай перестал поворачивать голову, и вместо этого повернулся всем телом, устраиваясь на сиденье вагона не прямо, а наискосок, как сидят страдающие от геморроя люди. Движение, похоже, было вполне естественным, – в

окружающем не изменилось ничего. Теперь он сидел вполборота к офицеру, который глядел прямо на него, это здорово мешало. Выждав секунду, Николай ответил взглядом. Выражение глаз мужика было другим, легко читаемое спокойствие в них сменилось на что-то сложное. Вопрос.

Николай едва-едва, на считанные миллиметры покачал головой в разные стороны. Если не иметь в виду ничего, то на такое движение никто внимания не обратит. Офицер в ответ качнул подбородком вниз, тоже на самую каплю. Видел его Николай определённо в первый раз в жизни. Привет из прошлого? Или воображение вразнос пошло?

Из вагона отчаянно хотелось выйти. Станция «Электросила». Осталось недолго: во всех смыслах. Сердце стучало, разгоняя кровь по телу, готовясь к чему-то. Почему дедуля в наушниках вызывает такой страх? Или это мальчик? Тогда тоже – почему? Дед вдруг поднял голову и начал поправлять воротник на своём пуховике, разглядывая людей в вагоне. Николай старался не смотреть на него, но сам чувствовал его ходящие туда-сюда взгляды. Вместе с так и не поднимающим глаза мальчиком тот стоял в торце вагона, и смотреть ему было удобно. «Московская». Офицер встал, перекрывая проход между рядами сидений, и закрывая страшную пару спиной, через секунду поднялся и Николай,

стараясь не дрожать. «Всех порублю» – подумал он, – «Выйти из вагона, там будет куда бежать». Это было непоследовательно, но что уж подумалось.

Открылись «наружные» двери станции, затем собственно двери вагона, и он вышел, мазнув глазами по напряженному лицу офицера. Выйдя, Николай немедленно шагнул вправо и прижался спиной к прохладному мрамору стены: на «Московской», как и на нескольких других станциях питерского метро, участки между автоматическими дверями были «глухими», и не просматривались из вагона. Двери закрылись: не вышел больше никто.

– Вам плохо?

Остановившаяся женщина средних лет посмотрела участливо: бледный, прижавшийся к стене, на лбу пот. И на наркомана не похож.

– Да, – честно ответил Николай. – Сейчас вот сяду.

Сердце колотилось о рёбра, как забивающий сваю копер. Пройдя под взглядом женщины десяток метров в сторону эскалатора, и даже не посмотрев, нужный ли это выход, он действительно сел на одну из монументальных скамеек, дотронувшись спиной до не обратившей на него никакого внимания целующейся юной парочки.

Женщина постояла и ушла. Постепенно стало действительно легче. «Что это было?» – спросил

он себя сам. Упавшее давление, сердечный приступ?.. Такое может переживаться как приступ страха, но не в 25 же лет. И давление действительно упало, – пульс был не особо наполненный. Кофейку бы сейчас... С сахаром, ложки две. И после него – стакан кефира, чтобы успокоить желудок. Дурацкое сочетание, если не расценивать кофе просто в качестве лекарства, как привык делать он.

Неторопливо проходящая мимо девица в длинной светло-бежевой куртке фыркнула на Николая: бледный, небритый, сидит и щупает себя за пульс. Не в её вкусе. Тем не менее, когда парень поднялся и пошёл в сторону эскалатора, она чуть задержалась, посмотрев на него спереди-сбоку. Рост высокий, лицо спокойное, походка ровная и даже лёгкая, несмотря на серьёзную, не мальчишескую фигуру. Вероятно, толстый свитер под курткой, но куртка здорово потёрта, – она бы заставила такую сменить. Возвращается, наверное, откуда-нибудь, от какой-нибудь дуры. Девушка вздохнула. Ей не везло в жизни. Не повезло и сейчас: парень остановился как вкопанный, и останавливаться вместе с ним, в пяти метрах впереди было бы совсем уж странным, привлекающим к себе внимание, поэтому она ушла. Жаль, он, вроде, хороший.

«Пакет в руках», – думал в это время стоящий посреди пяточка между эскалаторами,

обтекаемый немногочисленными людьми, Николай. – «Тот парень с пакетом с персиками и газетами, перепутавший палату, на которого я обратил внимание. Ночью – это был он?».

Проходящий молодой мужик небрежно толкнул стоящего Николая плечом, и он медленно пошёл вперёд, не обратив внимание на попытку развлечься и продолжая размышлять. Память на лица у него была откровенно плохая, почти как на фамилии и телефонные номера, и заключить, что это был действительно тот самый человек, напавший на него этой ночью, он так и не смог. Более того, пока он поднимался по эскалатору, то начал уже сомневаться в правильности своего первого, неожиданного «пробоя». Если и не он, то что-то такое в них было общее. Это можно было проверить в понедельник, – ткнуться в палаты и не слишком навязчиво поспрашивать: обе палаты были женские, а женщины в больницах поговорить любят, какой бы повод у них не был. Ладно, до понедельника подождёт.

Эскалатор вынес Николая наверх, и он прошёл сквозь толкучку подземного коридора, ведущего к выходу в парк. Наверху шёл дождь, и идя мимо мокрых, торопящихся людей, он с наслаждением ловил его, холодный, ртом.

ТРИ

«Пешечные группы – главные боевые единицы шахматиста, по крайней мере в дебютной части игры. Но и тогда, когда игра переходит в стадию миттельшпиля, пешечные конфигурации той или иной группы оказывают существенное влияние на развитие и результат боевых действий шахматных фигур»

Д.И. Бронштейн.

*«Самоучитель шахматной игры»,
1981*

В прошедших выходных не было ничего особенного. В субботу Николай, дойдя до спортивно-концертного комплекса, без каких-

либо накладок встретился у входа с Игнатом и они провели несколько часов в толчее разглядывающих сияющие лаковые автомобили людей. Загрузившись рекламными проспектами и взяв на память по паре сувенирных шариковых ручек, они с чувством выполненного долга ушли и очень неплохо попили пива в весьма уютном заведении неподалёку от той же «Московской». Пиво Николай любил, и случая его слегка подегустировать в тёплой и дружеской обстановке не упускал.

Непонятный приступ паники не повторился, что несколько его успокоило, и сказанное самому себе критическое «лечиться надо» повисло в воздухе. Воскресенье Николай провёл с родителями, наслаждаясь просто ничегонеделаньем. Единственное – как следует начал очередной перевод, а так: долго и с удовольствием побегал ещё при свете, несмотря на дождь, а потом провалялся четыре с лишним часа на диване в обнимку с пиратской распечаткой семитомника Форрестера (любимого, вроде бы, писателя Уинстона Черчилля). И с головой погрузившись в сверкающий и дымный мир эпохи парусных кораблей: выбираемых шкотов, пробитых цепными ядрами грота-стакселей и лязга абордажных свалок.

В понедельник он вышел на работу как следует отдохнувшим и почти забывшим о

статистике ночи с пятницу на субботу. Кроме того, были ещё суббота, ночь после неё, и воскресенье. Трамвая пришлось ждать дольше обычного, и уже сев в медленно ползущий вагон, Николай злился и нервничал, что опаздывает. Как обычно, половина водителей, напрочь игнорируя правила, ехала либо по своим, либо по встречным трамвайным путям, и перед каждым очередным светофором приходилось стоять в очередной микро-пробке. На свой этаж снова ставший доктором Ляхиным Николай вбежал за считанные минуты до начала врачебной конференции, задыхаясь от нешуточного бега от самой остановки, и на ходу срывая с себя куртку и свитер. В шкафчик он их запихнуть не успел, поэтому, напялив свежий халат, взял их с собой, положить на колени или на свободный стул – ничего такого страшного в этом не было.

В конференц-зале уже собрались все, кто должен, но обстановка была какая-то нехорошая.

– В воскресенье что-то?.. – спросил он, оказавшись рядом с Аней, но та только отмахнулась, – профессор уже шёл со своего места к кафедре.

Внимание Николая привлекла странная фигура – высокий и худой парень в тёмной рубашке, одиноко сидящий на ряду стульев, стоящем вдоль стены.

– Дорогие коллеги...

Голос у профессора был по-настоящему

встревоженный, и проклятое сердце глухо ёкнуло – уже в который раз за последние дни.

– Отчёты дежуривших с пятницы по воскресенье докторов будут позже. Сейчас у меня есть объявление. Отнесите, к нему, пожалуйста, со всей внимательностью.

Тишина в зале была полная. Было слышно, как тикают часы на руках у соседей.

– В пятницу ушла после работы и пропала по дороге домой клинический ординатор нашего отделения доктор Берестова. Начиная с субботы мы обзванивали врачей и сестёр, но никто ничего не... – профессор бросил фразу не закончив. – Сегодня на конференции должны быть все доктора нашего отделения, интерны, ординаторы. Я прошу всех, кто что-либо знает о Даше подойти ко мне или вот к её молодому человеку, – он показал на сидящего у стены парня, – И рассказать, кто что знает и помнит. Что угодно может оказаться полезным, любая деталь.

Только тут, с опозданием на несколько фраз Николай с ужасом осознал, что клинический ординатор Берестова – это Даша и есть. Её почти всегда называли по имени, поэтому произошедшее и не сложилось сразу у него в голове. Господи, Даша!..

– Иди, – ткнули Николая в бок, и он вспомнил, что докладывать про пятничное ночное дежурство в этот раз ему, – в принципе, это

почти всегда, за исключением каких-то особенных случаев, и давали делать молодым интернам.

Интерн Ольга, дежурившая в субботу, уже шла к кафедре, и на нагоняющего её Николая, обернувшись, презрительно поморщилась: «Сиди уж!». Обгонять юную стерву, отталкивая её по пути к кафедре было просто противно, уж не говоря о том, как это выглядело бы, поэтому он опять не стал связываться – смолчал, скрипнув зубами и сев на угловой стул первого ряда. Ольга быстро и чётко доложила по оказавшемуся спокойным дежурству, и, с достоинством спускаясь, ещё раз поморщилась на него, становящегося на то же место. То, что Николай доложил про пятничную ночь после доклада о субботе в другое время выглядело бы по меньшей мере странно, напрашиваясь на замечание, но в этот раз никто внимания на случившееся не обратил. Похоже, что все ждали, пока интерн закончит, потому что после его короткого доклада о количестве принятых больных, первичных диагнозах и двухминутного отчёта по женщине, дотянутой им и Ольгой Андреевной до реанимации, никаких вопросов не последовало. Выступила Агеева, доложила об обоих умерших за выходные на реанимации и интенсивной терапии: обе в одну и ту же ночь. Больная Кузнецова, 54, – исход не поддававшейся купированию диабетической комы, и больная

Грибкова, 66, – сочетанная острая почечная и лёгочная недостаточность, к тому же на фоне внезапной и непонятной потери зрения.

Расходились бесшумно, без обычных обсуждений прошедших выходных и обмена новостями. Слишком плохими были эти новости. Несколько человек прямым ходом подошли к заведомому и стоящему рядом с ним Дашиному другу. Николай понятия не имел, что у Даши есть молодой человек, хотя это напрашивалось само собой, – но это его не заботило ни на минуту. Владимир Анатольевич сказал, что важной может оказаться каждая деталь, но может ли таким быть его дурацкий разговор с ней в середине дня, он весьма сомневался. Или тот непонятный тип, устроивший драку и сбежавший... Николая неприятно кольнуло, что обе умершие за выходные больные опять были с классическими русскими фамилиями: Кузнецова и Грибкова. Ничего это не значило, конечно, – таких или похожих фамилий в России семь на десяток, и в Дашину теорию это его поверить не заставит, но всё же, – да, странно это всё.

Лицо у парня было совершенно мёртвое, такое, что мороз пробирал по коже. Такие лица были у родителей Алексея Панфилова, когда полтора с лишним года назад Николай пришёл рассказать им, как его убивали^[2]. Такое лицо было у Лёшкиного семнадцатилетнего брата,

выскочившего тогда за Николаем на улицу и поклявшегося на стоящий над домами крест Измайловского собора, что в институт поступать не будет, а пойдёт туда, где его убили. Что парень своё обещание сдержит, Николай не сомневался. На таких ребятах держится Россия. Но теперь это...

Николаю пришлось ждать в стороне, кинув куртку и свитер на другой стул, поближе к выходу. С ним и заведующим отделением разговаривало человек пять врачей – и почти наверняка кто-то из них видел Дашу после него. Берестова. Хорошая фамилия, она подходила ей на сто процентов. Главное для Даши, – это не получить что-нибудь похабное, когда она будет выходить замуж. Сердце кольнуло опять. Ох, не это сейчас главное...

Врачи закончили, много и часто кивая, дотрагиваясь до так же кивающего парня. Неосознанная психотерапия, – это уже в крови у опытных врачей. Профессор покосился на ждущего Николая и коротко ему кивнул, – «давай». Негромко переговариваясь, все кроме парня вышли в коридор, и тот наконец-то обернулся.

– Меня зовут Николай.

Парень посмотрел на карточку на груди. Ну да, там тоже, конечно, написано.

– Артём.

Он действительно был высок, под 190,

пожалуй. И худой. Наверное, он был моложе Даши, и даже самого Николая, но какая, в конце концов, разница?

– Я говорил с Дашей часа в два дня в пятницу, – сказал он. – Точнее не в два, а в 2.20–2.40.

Разумеется, ведь к Амаспюру он вошёл в два ровно, и разговор с ним занял по крайней мере минут двадцать.

– Ты извини, я не подходил, пока остальные разговаривали, поэтому я ещё раз, наверное, спрошу: она точно из больницы ушла?

На «ты» они перешли как-то сами собой, без лишних церемоний: не до этого сейчас.

– Да, – подтвердил парень, – Доцент... Савельева разговаривала с ней перед самым своим уходом, и Даша как раз собиралась.

– А в милиции что говорят?

– В милиции... Отказались принимать заявление, пока не пройдёт полных три дня. Сказали..., – его перекосило так, что Николай испугался, что парня вырвет. – Сказали, – «Поблядует и придёт».

Оба закрыли глаза на мгновение – одновременно. Милицию в Петербурге в последние годы ненавидели уже сильнее, чем бандитов.

– Так. Кроме Савельевой, видел её кто-нибудь уходящей?

– Нет, все остальные только раньше.

– Я тоже, видишь, раньше. А на посту

спрашивал, у шлагбаума? У тебя есть её фотография?

– Да! – Артём почти обрадовался, вытащил фотографию из барсетки, показал.

– Попробуй показать тему дедку у въезда на территорию, с Карповки. Он, кажется, отставной военный, так что должен серьёзно отнестись. Даша, конечно, могла калиткой воспользоваться, – или одной, или другой, у поликлиники... Она же на метро шла?

– Да, – опять сказал Артём. – Мы у «Пионерской» живём, и она всегда на метро добиралась, чтобы с маршрутками не связываться.

«Живём» – повторил про себя Николай, продолжая глядеть на фотографию, которую Артём так и держал в руке. – «Молодец парень. Что угодно надо сделать, лишь бы её найти. Какая дрянь могла руку поднять на такое чудо?..».

– Так, – ещё раз сказал он, – Мне надо посмотреть своих больных, хотя бы по-быстрому, – у меня пара тяжёлых. И с куратором нужно поговорить. А ты пока беги к тому мужику, который шлагбаум сторожит, и показывай ему фотографию. Поговори с ним, – может он видел что-то или слышал. И возвращайся. Я буду или в палатах, или в кабинете у доцента Свердловой, или вообще по отделению. Поспрашивай у сестёр. Моя фамилия Ляхин.

- Да, – Артём кивнул. – Я помню.
- Тогда давай. Может обойдётся ещё.

Парень уже убежал к лестнице, а Николай всё договаривал про себя продолжение последней фразы, про «обойдётся».

На «развод» он успел уже под самый конец, запыхавшись, когда ребята уже стояли в коридоре перед кабинетом Свердловой. Ни одного замечания ему не сделали – на конференции он был, и многие наверняка видели, что он остался, как профессор и рекомендовал. Ольга опять посмотрела с брезгливостью – сверху вниз, и обратно вверх, как смотрят мужчины на девушек, которых хотят унижить, и он опять сдержался. Когда-нибудь это кончится. И весьма возможно, что плохо.

Новых больных Николаю не дали, хотя он просил Агаджаманяна. Больной был, что называется, «лёгкий» – нестарый, с понятной болезнью, которую их вполне неплохо научили лечить. Если судьба не забросила его на нефрологию – так тому и быть, но то, что теперь его, из-за опоздания интерна Ляхина, отдали интерну Алапак, то есть Ульяне, Николая огорчило. Всё-таки диагноз ему поставил он.

Температура у больной Январь в воскресенье днём дошла до 38,4. Впервые. Ни разу до сих пор, в смысле, – с того момента как это началось, её лихорадка не достигала таких цифр. Сейчас у Екатерины Егоровны были почти привычные 37,3

и чувствовала она себя достаточно хорошо, но Николаю произошедшее отчаянно не понравилось.

Потом снизу вернулся Артём, с наконец-то порозовевшими щеками: явно не затруднился одеться, выбегая наружу. Сколько, интересно, он спал за эти дни? Волосы мокрые – опять идёт дождь.

– Я спросил. Он ничего не видел.

– Не узнал её?

– Узнал. Видел много раз раньше. Но в пятницу – нет.

– Значит, или он просто не запомнил, или она вышла через калитки на Петропавловской или Льва Толстого. Здесь по клиникам 500 врачей, наверное, работает, и столько же медсестёр, плюс тысячи четыре студентов, из них три четверти – девушки. И большинство в том же, примерно, возрасте, что и Даша. У деда глаза могли просто замылиться, это понятно...

– Коля, – сказал Артём. – А о чём вы говорили с ней в тот день?

«Вот это да».

Николай не нашёлся, что ответить сразу. Фактически, весь последний час он гнал от себя размышления о том, что можно сказать парню о событиях того чёртова дня и ночи за ним. Что Дашин друг сможет из этой информации вытащить, и как её реализовать, он искренне не представлял, но скрывать её было... Дьявол, даже

слова не подобрать. «Неловко» – не то, «стыдно» тоже.

– О работе говорили. Ты знаешь, – Николай подумал, что хуже не будет, и повертел головой, – Пошли-ка куда-нибудь в сторонку.

Артём посмотрел серьёзно, кивнул головой на своей длинной шее. Как жираф.

Вместе они дошли до шкафчиков молодняка, и Николай покопался в сумке, вынуть бутерброды из которой он так и не нашёл времени. Впрочем, как и для много другого. Было ещё меньше двенадцати, а он не сделал ещё половины собственно врачебной работы, за которую его держат на отделении – авансом, за будущее, когда он, может быть, станет опытным и умным.

– Туда.

Они устроились на подоконнике в аппендиксе коридора перед комплексом реаниматологов. Внутри кто-то громко и надрывно кричал. Несколько дверей, сберегающих относительную, в их клинике, стерильность приглушали звук, но интонации были слышны отчётливо. Кто это был, Николай знал достаточно точно – клон покойного Шварцмана, – крепкий мужик с непереносимым по интенсивности мышечными болями на фоне всего остального, страшного, тащащего его к могиле волоком. Больной Инны Бергер. Значит, его перевели в реанимацию за выходные.

– Блин! – сказал он вслух, и прислушивающийся к крикам Артём повернулся к нему. Всё же, это было не самое спокойное место на отделении, хотя и самое безлюдное. – Блин!

Умерший Шварцман был еврей, самый классический ашкенази, – несмотря на фигуру Добрыни Никитича и голос, как у Ивана Реброва. Значит Даша неправа!

– Мы говорили действительно о работе, – сказал он, наконец, потому что Артём ждал, и чёрт его знает, что при этом думал. – На отделении происходит много чего странного. Здесь умирает слишком много больных. Раньше такого никогда не было – а этой клинике, между прочим, за 100 лет.

Пример был некорректный, до появления антибиотиков на терапии умирали будь здоров, не доживая ни до какого рака, а в войну здесь вообще был конвейер – крупнокоечный госпиталь с кадровыми врачами – это было чистое золото и в Финскую, и в мясорубках Карельского и Ленинградского фронтов. Но не сейчас.

– Все что-то ищут, кто масонский заговор, кто тайного маньяка, подсыпавшего больным в овсянку соли таллия. Ни на то, ни на другое не похоже, но дело в принципе. В пятницу один умный и чрезвычайно уважаемый мной доктор выдвинул мысль о новом СПИДе. Но опять дело

не в этом. Даша тоже искала – как все, кто чего-то стóбит на этой кафедре. То, что она нашла, это, как мне кажется, полная туфта, но... В общем, она посмотрела по историям всех умерших за последние пару месяцев больных и заключила, что они все сплошь славяне.

Николай посмотрел на Артёма, ожидая реакции на свои слова. То, что он увидел, он интерпретировал как «Ну и что?», поэтому продолжил.

– Вот об этом у нас и был разговор. Мы минут десять поговорили, я вроде Дашу уговорил, что это ерунда, хотя, знаешь, ординатору второго года интерна слушать – это очень добрым человеком надо быть. Потом мне бежать надо было, и мы разошлись по своим делам. А сегодня до меня дошло, наконец, что один из больных – совершенно точно не русский и не хохол, а еврей. Странно, что мне это тогда в голову не пришло. И всё.

– А могло как-то... Это, что у вас творится, повлиять на Дашу...

– В каком смысле?

– Ну...

– «Бросить всё, уехать в Урюпинск»? – предположил сам Николай. – В смысле, у неё не выдержали от происходящего нервы, и она решила: «Ну её к чёрту, эту медицину»?

– Что-то в этом роде...

– Ты извини, что я так развязно говорю, –

сказал Николай, помолчав. – Это нервное. Меня это здорово задело, с Дашей. Я ведь даже забыл, что её фамилия Берестова, – всё Даша, да Даша. А про такую возможность забудь – она бы так никогда не поступила. За три двести в месяц пахать, как здесь люди пашут – это нужно полностью повёрнутым на медицине быть. Если ты, конечно, не теневого олигарха и всё такое.

– Не олигарх, – угрюмо подтвердил Артём, и вдруг спохватился. – Слушай, мы всё тут разговариваем и разговариваем, а делать-то что надо? Надо же искать как-то, никто же кроме нас этот не сделает! Родители только. Отец вот третий день по подругам ищет, как я ему под утро позвонил спросить...

– Вы не ссорились?

– Нет, что ты.

– Знаешь, – посоветовал Николай, спрыгивая с подоконника. – На утренней конференции одни врачи были. Про сестёр профессор упомянул, конечно, но кто знает, старшая медсестра могла прослушать, или переложить на других. Давай-ка, пройдишь по отделению, – здесь несколько постов, плюс процедурная и отдельные службы с техничками, – да и буфетчицы всякие тоже. У них языки длинные, может чего и скажут. Э-э-э, надо по графику посмотреть, кто тогда дежурил. Да? Пошли, я покажу. В пятницу на 1-м посту – Лена точно, но её сегодня нет. А ночью – девочка-студентка, я даже не знаю, как её зовут.

Николаю показалось, что парень вроде бы опять обрадовался: хоть что-то можно делать, тратить силы, – а не сидеть в ожидании непонятно чего. Утром прозвучала фраза, что сёстрам уже звонили, но он то ли забыл это, то ли предпочёл перестраховаться.

У сестринского поста на пересечении больничных коридоров Артём был вручён медсестре Вале, – идеалу, по мнению Николая, палатной сестры. При росте в полтора метра Валя тащила на себе всё, до чего могла дотянуться, вытаскивая каторжным трудом собственного ребёнка и придурка-мужа, считающего себя великим гитаристом, и потому не работающего. Николай на самом деле не слишком-то много про неё знал, но этого хватало, чтобы относиться к ней почти как к настоящей, а не только медицинской сестре. В самом начале интернатуры свежеиспечённого врача Ляхина, ранней осенью, когда девушки в Петербурге одеваются ещё так, что мужчины легче переносили бы, если бы они ходили совсем голые, Валя попала под дождь и вернулась на отделение просохнуть. Её прозрачная блузка под дождём превратилась в нечто просто останавливающее дыхание, и Николай отдал ей на день свою ветровку – непрозрачно-бордового цвета. С тех пор их отношения приобрели чуть ли не нежность, хотя оба ни разу не позволили себе ничего лишнего. О последнем он иногда жалел.